This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

1 22 186

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

ТОМЪ I.

Briusov, V. IA.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.

ТОМЪ I.

ЮНОШЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ./
ЭТО—Я. / ТРЕТЬЯ СТРАЖА.
(1892/1901 г.)

МОСКВА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ».
1908.

PG3453
B7P8
v.1

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

СБОРНИКИ СТИХОВЪ.

Chefs d'Œuvre. (1894—1896 г.).	Распродано.
Meeum esse. (1896—1897 г.).	Распродано.
Tertia Vigilia. (1898—1900 г.)	Распродано.
Urbi et Orbi. (1900—1903 г.).	Распродано.
Stephanos. (1903—1905 г.).	Ц. 2 р.
Пути и перепутья. Томъ I. (1892—1901 г.). . .	Ц. 2 р.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Земная Ось. Разсказы. (1901—1906 г.).	Ц. 1 р. 50 к.
Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в..	Печатается.

ПЕРЕВОДЫ.

Поль Верлэнъ. Романсы безъ словъ.	Распродано.
Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. . . .	Ц. 1 р. 30 к.
Морисъ Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда. . .	Ц. 1 р.
Поль Верлэнъ. Пѣсни и гимны.	Готовится.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ.

О искусствѣ. Статьи.	Распродано.
Письма Пушкина и къ Пушкину.	Ц. 1 р. 50 к.
Лицейскіе стихи Пушкина.	Ц. 1 р.
Гр. А. Толстой. Біографическій очеркъ.	Ц. 1 р. 50 к.
Ѳ. И. Тютчевъ. Біографическій очеркъ.	Ц. 1 р. 50 к.
Вѣхи. Журнальныя статьи. (1900—1907 г.).	Готовится.

ТИПОГРАФІЯ О-ВА РАСПР. ПОЛЕЗН. КНИГЪ, АРЕНД. В. И. ВОРОНОВЫМЪ, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ I ТОМУ

ПУТЕЙ И ПЕРЕПУТІЙ.

Готовя къ печати эту книгу и перечитывая свои стихи, написанные семь, десять и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я, конечно, могъ критически отнестись къ своей юношеской поэзіи. Многое въ ней показалось мнѣ наивнымъ и невѣрнымъ, многіе пріемы творчества—безсильными и неудачными. Если бы захотѣлъ я выбрать изъ всего, напечатаннаго мною въ стихахъ за первыя десять лѣтъ литературной работы только то, что теперь удовлетворяетъ мой художественный вкусъ, мнѣ пришлось бы ограничиться небольшой книжкой въ 10—20 страницъ. Но я нашелъ, что, поступивъ такъ, я былъ бы несправедливъ самъ къ себѣ. Если вообще мое творчество заслуживаетъ вниманіе, то заслуживаютъ его и тѣ „пути и перепутья“, по которымъ вышелъ я на свою настоящую дорогу. Вотъ почему, выбирая стихи для этой книги, я бралъ не только то, что мнѣ представлялось удачнымъ и сильнымъ, но и все, что характерно для моей ранней поэзіи.

Изъ стихотвореній, составлявшихъ мои первые сборники, теперь откинуто мною около трети,—какъ то можно видѣть по списку, приложенному въ концѣ книги. Но руководствовался я при этомъ выборѣ не исключительно личными соображеніями, но и судьбою того или иного стихотворенія. Такъ, я включилъ въ эту книгу всѣ тѣ стихи, которые были переведены на другіе языки; къ которымъ была написана музыка; которые

выбирались составителями разныхъ хрестоматій и т. п. Менѣе всего пришлось мнѣ руководиться указаніями критики, такъ какъ она,—какъ всѣмъ еще памятно,—при появленіи въ печати моихъ первыхъ стиховъ твердила одно: что она ихъ не понимаетъ. Присоединилъ я къ этому собранію и нѣсколько стихотвореній, остававшихся до сихъ поръ не напечатанными и разысканныхъ мною въ моихъ старыхъ тетрадяхъ.

Я избѣгалъ исправлять свои юношескіе стихи, зная, какъ опасно передѣлывать художественныя произведенія, созданныя при господствѣ совершенно иныхъ взглядовъ и переживаній. Такіе единственные мастера формы, какъ Пушкинъ, Тютчевъ, Фетъ, нерѣдко искажали свои юношескіе стихи, думая поправить ихъ въ пору полной зрѣлости своего дарованія. Большею частью я предпочиталъ вовсе исключить стихотвореніе, если въ немъ были подробности, съ которыми я не могъ согласиться. Но я считалъ необходимымъ внести въ текстъ тѣ измѣненія и дополненія, которыя были мною сдѣланы въ различныхъ стихотвореніяхъ вскорѣ послѣ ихъ напечатанія. Слѣды этой давней работы и замѣтитъ внимательный читатель на многихъ страницахъ этой книги, сличая стихи, въ ней напечатанные, съ первоизданіями.

Въ этотъ первый томъ „Путей и Перепутій“ вошли стихи, ранѣе напечатанные въ моихъ книгахъ „Chefs d'Œuvre“ (1-ое изд. 1895 г., 2-ое изд. 1896 г.), „Me eum esse“ (1897 г.) и „Tertia Vigilia“ (1900 г.), а также въ сборникахъ „Русскіе Символисты“ (1894 и 1895 г.) и „Книга Раздумій“ (1899 г.). Присоединилъ я къ нимъ и нѣсколько стихотвореній, написанныхъ послѣ изданія книги „Tertia Vigilia“, но всецѣло примыкающихъ къ ней по строю мыслей и пріемамъ творчества.

Валерій Брюсовъ.

Декабрь 1907.

ЮНОШЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1892—1896)

А. Л. МИРОПОЛЬСКОМУ

ДРУГУ ДАВНИХЪ ЛѢТЪ.

Изъ сборниковъ «Русскіе Символисты»
и «Chefs d'Œuvre».

Мнѣ помнятся и книги эти,
Какъ въ полуснѣ недавній день.
Мы были дерзки, были дѣти,
Намъ все казалось въ яркомъ свѣтѣ...
Теперь кругомъ и тишь и тѣнь.
Далеко первая ступень,—
Пять бѣглыхъ лѣтъ какъ пять столѣтій!

1899.

СТИХИ О ЛЮБВИ.

I. ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Моя любовь—палящій полдень Явы,
Какъ сонъ разлитъ смертельный ароматъ,
Тамъ ящеры, зрачки прикрывъ лежатъ,
Здѣсь по стволамъ свиваются удавы.

И ты вошла въ неумолимый садъ
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цвѣты дрожатъ, сильнѣе дышатъ травы,
Чаруетъ все, все выдыхаетъ ядъ.

Идемъ: я здѣсь! Мы будемъ наслаждаться,—
Играть, блуждать, въ вѣнкахъ изъ орхидей,
Тѣла сплетать, какъ пара жадныхъ змѣй!

День проскользнетъ. Глаза твои смежатся.
То будетъ смерть.—И саваномъ ліанъ
Я обовью твой неподвижный станъ.

2. МЕЧТЫ О ПОМЕРКШЕМЪ.

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Кчему вы теперь? Неужели
Съ вѣнкомъ флёръ-д'оранжа, съ вѣнчальнымъ вѣнкомъ
Сплели стебельки иммортели?

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Кчему вы на брачной постели
Повисли гирляндой во мракѣ ночномъ,
Гирляндой цвѣтовъ иммортели?

Мечты о померкшемъ, мечты о быломъ,
Кчему вы душой овладѣли,
Кчему вы трепещете въ сердцѣ моемъ
На брачной веселой постели?

3. ТѢНИ.

Сладострастныя тѣни на темной постели окружили, легли,
притаились, манятъ.
Наклоняются груди, сгибаются спины, вѣетъ жгучій, тягу-
чій, глухой ароматъ.
И, безъ силы подняться, безъ воли прижаться и вдавить
свои пальцы въ округлости плечъ,
Точно трупъ наблюдаю безстыдныя тѣни въ раздражаю-
щемъ блескѣ курящихся свѣчъ;

Наблюдаю въ мерцаньи колѣнъ изваянья, бѣломраморность
бедеръ, оттѣнки волосъ...
А дымящее пламя взвивается въ вихрѣ и сливаетъ тѣла
въ разноцвѣтный хаосъ.

О, далекое утро на вспѣненномъ взморьѣ, странно-алыя
краски стыдливой зари!
О, весенніе звуки въ серебряномъ сердцѣ и твой ска-
зочно-ласковый образъ, Мари!
Это утро за ночью, за мигомъ признанья, перламутрово-
чистое утро любви,
Это утро, и воздухъ, и солнце, и чайки, и вездѣ—точно
отблескъ—улыбки твои!
Озаренный, смущенный, ребенокъ влюбленный, я безсильно
плыву въ безграничности грезъ...
А дымящее пламя взвивается въ вихрѣ и сливаетъ мечты
въ разноцвѣтный хаосъ.

4. УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Мы встанемъ съ тобой при свѣчахъ,
Дитя мое!
Мы встанемъ съ тобой при свѣчахъ,
Дитя мое!

На черно-безжизненный садъ,
Изъ вышины,
Послѣднія звѣзды глядятъ
И серпъ луны.

Еще не разсѣялась мгла,
И солнца нѣтъ,
Но чара ночей отошла
И брезжитъ свѣтъ.

Въ томленіи ждемъ мы, когда
Лучи свои
Торжественно броситъ звѣзда,
Звѣзда Любви.

Но все неизмѣнно вокругъ,
Дитя мое!
О плачь же со мною, мой другъ,
Дитя мое!

5. КЪ МОЕЙ МИНЬОНѢ.

Знаешь, Миньона,—одинъ только разъ
Были съ тобою мы близки!
Часъ лишь одинъ былъ дѣйствительный часъ,
Прочіе—блѣдные списки!

Свѣтъ озарилъ насъ и странно погасъ,
Сжались извивы объятій,
Стрѣлка часовъ обозначила: „часъ“
На роковомъ циферблатѣ!

Въ этотъ лишь мигъ, лишь единственный разъ
Видѣлъ тебя я—моею!
Какъ объяснить, что покинуло насъ?
Нѣтъ, не могу, не умѣю!

Ярокъ, какъ прежде, огонь твоихъ глазъ,
Ласки исполнены яда,—
Свѣтъ озарилъ насъ и быстро погасъ...
Сердце! чего жъ тебѣ надо?

Нѣтъ, не всесиленъ любовный экстазъ!
Нѣтъ, мы съ тобою не близки!
Часъ лишь одинъ былъ дѣйствительный часъ,
Прочіе—блѣдные списки!

6. ВЪ САДУ.

Не дремлютъ тѣни,
Не молкнетъ садъ;
Слова сомнѣній—
Созвѣздій взглядъ!
Пусть ропщутъ струи,
Пусть плачетъ прудъ,—
Такъ поцѣлуи,
Прильнувъ, солгутъ!
Пусть глянувъ, канетъ
Въ аллеѣ свѣтъ,—

Мелькнувъ, обманетъ
Любви обѣтъ!
И пусть въ истомѣ
Трепещешь ты,—
Все блѣдно, кромѣ
Одной мечты!

7. ЗАВѢТНЫЙ СОНЪ.

Завѣтный сонъ вступаетъ на ступени;
Мгновенья дверь пріотворяетъ онъ...
Вотъ на стѣнѣ смѣшались обѣ тѣни,
И въ зеркалѣ (стыдливость наслажденій!)
Рядъ отраженій затемненъ.

О не жалѣй, что яркость поблѣднѣла!
Когда-нибудь, въ печальной смѣнѣ лѣтъ,
Вернется все,—и не погаснетъ свѣтъ,
И въ зеркалѣ, заученно и смѣло,
Приникнетъ къ тѣлу тѣло.

КРИПТОМЕРІИ.

1. НА ЖУРЧАЩЕЙ ГОДАВЕРИ.

Листъ широкій, листъ банана,
На журчащей Годавери,
Тихимъ утромъ—рано, рано—
Помоги любви и вѣрѣ!

Орхидеи и мимозы
Унося по соннымъ волнамъ,
Осуши надеждой слезы,
Сохрани вѣнокъ мой полнымъ.

И когда, въ дали тумана,
Потеряю я изъ виду
Листъ широкій, листъ банана,
Я молиться въ поле выду;

Въ честь твою, богиня Счастья,
Въ честь твою, суровый Кама,
Серьги, кольца и запястья
Положу предъ входомъ храма.

Листъ широкій, листъ банана,
Если жъ ты обронишь ношу,
Тихимъ утромъ — рано, рано —
Амулеты всѣ я сброшу.

По журчащей Годавери
Я пойду, родна печали,
И къ безумной баядерѣ
Снизойдетъ богиня Кали!

2. КЪ МОНАХИНѢ.

Въ Средніе Вѣка.

Ты—монахиня! лилія Бога!
Ты навѣки невѣста Христа!
Это я постучалъ въ ворота
Это я у порога!

Я измученъ, я весь истомленъ,
Я безсиленъ, я мертвъ отъ желаній.
Все вокругъ—какъ въ багряномъ туманѣ,
Все вокругъ—точно звонъ,

Выходи же! иди мнѣ навстрѣчу!
Я послѣдней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвѣчу!

И мы вздрогнемъ, и мы упадемъ,
И, рыдая, сплетемся, какъ змѣи,
На холодномъ полу галереи
Въ полумракѣ ночномъ.

Но, подъ тѣмъ же таинственнымъ звономъ,
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно,—и все
Будетъ кончено стономъ.

3. ВЪ СТАРОМЪ ПАРИЖѢ.

Холодная ночь надъ угрюмою Сеной,
Да мѣсяцъ, блестящій въ раздробленной влагѣ,
Да трупъ позабытый, обрызганный пѣной.

Здѣсь слышала стоны, и звяканья шпаги
Холодная ночь надъ угрюмою Сеной,
Смотрѣла на подвигъ любви и отваги.

И мѣсяцъ, блестящій въ раздробленной влагѣ,
Дрожалъ, негодуя, предъ низкой измѣной...
И слышались стоны, и звякали шпаги.

Но трупъ позабытый, обрызганный пѣной,
Безмолвенъ, какъ въ тихомъ, родномъ саркофагѣ.
Холодная ночь надъ угрюмою Сеной

Не помнитъ про подвигъ любви и отваги,
И мѣсяцъ, забывъ, какъ дрожалъ предъ измѣной,
Безмолвенъ, раздробленъ въ рѣчномъ саркофагѣ!

4. ЖРЕЦЪ.

Бронзовая статуетка.

Далекій Сиріусъ, холодный и нѣмой!
Изъ ночи въ ночь надменно
Сверкаешь ты надъ сумрачной землей,
Царишь надъ бѣдственной вселенной.

Владыка Сиріусъ, не внемлющій мольбамъ,
Непобѣдимый мститель!
Предъ алтаремъ ненужный ѳиміамъ
Тебѣ затеплилъ твой служитель.

Ты чуждъ намъ, Сиріусъ! но твой холодный лучъ
Сжигаетъ наши жатвы.
Губи меня! и отравляй! и мучь!
И отвергай съ презрѣньемъ клятвы!

Тебѣ, о, Сиріусъ, не знающій людей,
Я возношу моленья,
Среди толпы, и въ хижинѣ своей,
И въ мигъ послѣдній упоенья!

5. ПРОКАЖЕННЫЙ.

Рисунокъ тушью.

Прокаженный молился. Дорога
Извивалась по сдвинутымъ скаламъ;
Недалеко чернѣла берлога;
Были тучи стремительны; строго
Вѣтеръ вылъ по кустамъ одичалымъ.

Диссонансъ величавыхъ мелодій—
Дальній топотъ врывался нежданно.
Конь спѣшилъ, конь летѣлъ на свободѣ,
Былъ ѣздокъ неподвиженъ и странно
Улыбался земной непогодѣ.

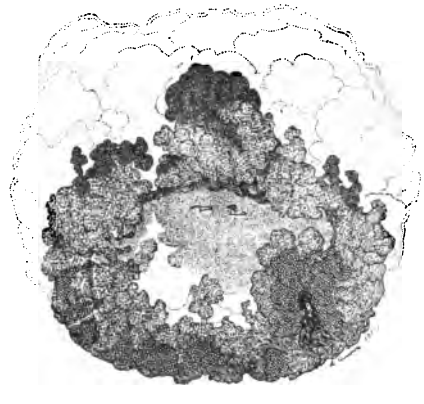
Вылетая къ угрюмой берлогѣ,
Шевельнулся мертвецъ какъ въ тревогѣ.
Конь всхрапѣлъ, на дыбы приподнялся:
Въ двухъ шагахъ передъ нимъ на дорогѣ
Прокаженнаго трупъ улыбался.

6. СЪ КОМЕТЫ.

Помнишь эту пурпурную ночь?
Серебрилась на небѣ земля
И луна, ея старшая дочь.
Были явственно видны во мглѣ
Океаны на свѣтлой землѣ,
Цѣпи горъ, и лѣса, и поля.

И въ тоскѣ мы мечтали съ тобой:
Есть ли т а м ъ и мечта и любовь?
Этотъ міръ серебристо-нѣмой
Ночь за ночью освѣтитъ; потомъ
Будетъ гаснуть на небѣ ночномъ,
И одни мы останемся вновь.

Много есть у пурпурныхъ небесъ,—
О, мой другъ, о, моя красота,—
И загадокъ, и тайнъ, и чудесъ.
Много мимо проходитъ міровъ,
Но напрасны вопросы вѣковъ:
Есть ли т а м ъ и любовь и мечта?



БУДНИ.

I. ТУМАННЫЯ НОЧИ.

Вся дрожа, я стою на подъѣздѣ
Передъ дверью, куда я вошла наканунѣ,
И въ печальныя строфы слагаются буквы созвѣздій.

О, туманныя ночи въ палящемъ іюнѣ!

Тамъ, вотъ тамъ, на закрытой террасѣ
Надо мной наклонялись зажженыя очи,
Дорогія черты, искаженныя въ страстной гримасѣ.

О, туманныя ночи! туманныя ночи!

Вотъ и тайна земныхъ наслажденій...
Но такой ли ее я ждала наканунѣ!
Я дрожу отъ стыда—я смѣюсь! Вы солгали мнѣ, тѣни,

Вы солгали, туманныя ночи въ іюнѣ!

2. ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ.

Весь городъ въ серебряномъ блескѣ
Отъ блѣдно-серебряныхъ крышъ,—
А тамъ, на ея занавѣскѣ,
Повисла Летучая Мышь.

Мерцаетъ неслышно лампада,
Бѣлѣетъ открытая грудь...
Все небо мнѣ шепчетъ: „не надо",
Но Мышь повторяетъ: „Забудь!"

Покоренъ губительной власти,
Близъ оконъ брожу, опьяненъ.
Дрожатъ мои руки отъ страсти,
Въ ушахъ моихъ шумъ веретенъ.

Весь городъ въ серебряномъ блескѣ
Отъ блѣдно-серебряныхъ крышъ,
А тамъ, у нея,—къ занавѣскѣ
Приникла Летучая Мышь.

Вотъ губы сложились въ заклятье...
О, дѣвы! довольно вамъ прясть!
Всѣ шумы исчезнутъ въ объятьи,
Въ твоемъ поцѣлуѣ, о, страсть!

Лицомъ на сѣдой подоконникъ,
На камень холодный упавъ,
Я вновь—твой поэтъ и поклонникъ,
Царица позорныхъ забавъ!

Весь городъ въ серебряномъ блескѣ
Отъ блѣдно серебряныхъ крышъ,
А тамъ—у нея, съ занавѣски,—
Хохочетъ Летучая Мышь!

3. ОСУЖДЕННАЯ ЖРИЦА.

Одна изъ осужденныхъ жрицъ,
Я наблюдаю изъ кровати
Калейдоскопъ людей и лицъ,
И поцѣлуевъ и объятій.

Вся жизнь проходитъ, какъ во снѣ,
Въ глухомъ туманѣ опьяненья,
И непонятно больше мнѣ
Святое слово наслажденье.

И ласки юношей, и грязь
Восторговъ старчески безсильныхъ
Переношу я, не томясь,
Какъ трупъ въ объятіяхъ могильныхъ.

Желаній мигъ не для меня,
И утомляться не могу я:
Даю подобіе огня,
Изображенье поцѣлуя.

И если Богъ пошлетъ мнѣ сонъ
О недоступномъ и о счастьи,—
Мнѣ про любовь не скажетъ онъ,
Мнѣ не приснится сладострастье.

Но буду вновь ребенкомъ я
Подъ бѣлымъ пологомъ кроватки,
И сядетъ рядомъ мать моя,
Озарена огнемъ лампадки.

4. ПУРПУРЪ БЛѢДНѢЮЩИХЪ ГУБЪ.

Медленно всходитъ луна,
Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ.
Милая, ты у окна—
Тиной опутанный трупъ.

Милая, о, наклонись...
Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ.
Клятвы возносятся въ высь...
Тиной опутанный трупъ.

Если бъ прижать мнѣ къ губамъ
Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ!
Звѣзды ли падаютъ къ намъ?
Тиной опутанный трупъ.

Плачутъ кругомъ... но о чемъ?
Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ,
А на пескѣ огневомъ
Тиной опутанный трупъ.

Вѣренъ былъ клятвѣ своей
Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ...
Что жъ! уносите скорѣй
Тиной опутанный трупъ!

5. ПОДРУГИ.

Три женщины, грязныя, пьяныя,
Обнявшись, идутъ и шатаются.
Дрожатъ колокольни туманныя,
Кресты у церквей наклоняются.

Заслышавши рѣчи безсвязныя,
На хриплыя пѣсни похожія,
Смѣются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожіе.

Идутъ онѣ, грязныя, пьяныя,
Поютъ свои пѣсни, ругаются...
И горестно церкви туманныя
Предъ ними крестами склоняются.

6. ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Серебро, огни и блестки,—
Цѣлый міръ изъ серебра!
Въ жемчугахъ горятъ березки,
Черно-голыя вчера.

Это—область чьей-то грезы,
Это—призраки и сны!
Всѣ предметы старой прозы
Волшебствомъ озарены.

Экипажи, пѣшеходы,
На лазури бѣлый дымъ,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новымъ и святымъ.

Воплощеніе мечтаній,
Всемогущаго игра,
Этотъ міръ очарованій,
Этотъ міръ изъ серебра!

7. СУМАСШЕДШІЙ.

Чтобъ меня не увидѣлъ никто,
На прогулкахъ я прячусь, какъ трусъ,
Приподнявъ воротникъ у пальто
И на брови надвинувъ картузъ.

Я встрѣчаю нагія тѣла,
Посинѣлыя въ рыхломъ снѣгу,
Я минуты убійствъ стерегу
И смѣюсь безпощадно съ угла.

Я спускаюсь къ рѣкѣ. Подъ мостомъ
Выбираю угрюмый сугробъ,
И могилу копаю я въ немъ,
И ложусь въ приготовленный гробъ.

Загорается домъ... и другой...
Вотъ весь городъ пылаетъ въ огнѣ,
Но любуюсь на блескъ дорогой
Только я—въ ледяной тишинѣ.

А потомъ, отряхнувши пальто,
Принадвинувъ картузъ на глаза,
Я бѣгу въ неживые лѣса...
И не гонится сзади никто!

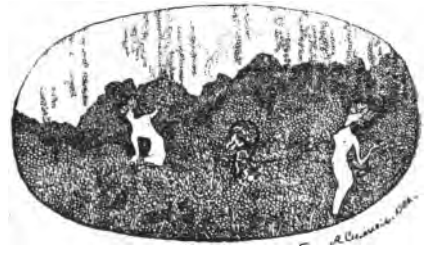
8. ВЪ ВЕРТЕПѢ.

Въ сіяющемъ изысканномъ вертепѣ
Подъ музыку, сулившую канканъ,
Я задремалъ, поникнувъ на диванъ,
И вдругъ себя увидѣлъ въ черномъ склепѣ.

Вокругъ стоялъ мучительный туманъ,—
Въ окно неслось благоуханье степи.
Я встать хотѣлъ—мѣшала боль отъ ранъ,
И на ногахъ задребезжали цѣпи.

И что-то вдругъ такъ ясно стало мнѣ,
Что горько я заплакалъ въ полуснѣ,
Что плакалъ я, смущенно просыпаясь.

Опять звенитъ приманчиво рояль,
Мой странный сонъ блѣднѣетъ, расплываясь,
Но мнѣ еще—кого-то—смутно—жаль...



ПЕРВЫЯ РАЗДУМЬЯ.

I.

Хорошо одному у окна!
Небо кажется вновь голубымъ,
И для взоровъ обычна луна,
И сплетаетъ опять тишина
Вдохновенье съ раздумьемъ святымъ.

И гирлянду пылающихъ розъ
Я доброшу до тайны міровъ,
И по ней погружусь я въ хаосъ
Неизвѣданныхъ творческихъ грозъ,
Несказанныхъ таинственныхъ словъ.

Эта воля—свободна опять,
Эта мысль—какъ комета—вольна!
Все могу уловить, все могу я понять...
И не надо тебя цѣловать,
О, мой другъ, у ночного окна!

2.

Скала къ скалѣ; безмолвіе пустыни;
Тоска вѣтровъ и раскаленный сплинъ.
Межъ надписей и праздничныхъ картинъ
Хранитъ утесъ два образа святыни.

То — демоны въ объятіяхъ. Одинъ
Глядитъ на міръ съ надменностью гордыни;
Другой склоненъ какъ падшій властелинъ.
Внизу стихи, не стертые донынѣ:

„Добро и зло — два брата и друзья.
Имъ общій путь, ихъ жребій одинаковъ.“
Неясенъ смыслъ клинообразныхъ знаковъ.

Звенятъ порой признанья соловья;
Приходитъ тигръ къ подножію утеса.
Скала молчитъ. Отвѣтамъ нѣтъ вопроса.

3.

Облегчи намъ страданія, Боже!
Мы, какъ звѣри, вгнѣздились въ пещеры—
Жестко наше гранитное ложе,
Душно намъ безъ лучей и безъ вѣры.

Самоцвѣтные камни блистаютъ,
Вдаль уходятъ колоннъ вереницы,
Изъ холодныхъ щелей выползаютъ
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноемъ,
Наше тѣло на падаль похоже—
О, простри надъ могильнымъ покоемъ
Покрывало послѣднее, Боже!

4.

Свиваются блѣдныя тѣни,
Видѣнія ночи беззвѣздной,
И молча надъ сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

Друзья! Мы спустились до края!
Стоимъ надъ разверзнутой бездной...
Мы, путники ночи беззвѣздной,
Искатели смутнаго рая.

[illegible] вѣрили нашей дорог[illegible]
[illegible]талися намъ отб[illegible]
[illegible]одвиж[illegible]
[illegible]

Невѣрное только движенье,
Хоть шагъ по завѣтной дорогѣ —
И нѣтъ ни стыда, ни тревоги,
И вѣчно, и вѣчно паденье!

Качается лѣстница тише,
Мерцаетъ звѣзда на мгновенье,
Послышится ль голосъ спасенья:
Откуда—изъ бездны иль свыше?

ПОЭМЫ.

I. СНѢГА.

Терцины.

Луны холодные рога
Струятъ мерцанье голубое
На неподвижные луга;

Деревья-призраки—въ покоѣ;
Не вздрогнетъ подо льдомъ вода.
Зачѣмъ, зачѣмъ насъ въ мірѣ двое!

„Увы, Марія, навсегда
„Погасли зори золотыя,
„Любовь скатилась, какъ звѣзда.

„Скажи, зачѣмъ, какъ въ дни былые,
„Мы вмѣстѣ? Мы въ долинѣ сна?
„Скажи, мы—призраки, Марія?“

Съ высотъ мерцанье льетъ луна,
По снѣгу вдаль уходятъ тѣни,
Отвѣтъ вопросамъ—тишина.

„Скажи, ты помнишь—наслажденій
„Крутящій, неистомный пылъ,
„Часы любви въ безумной смѣнѣ?

„Твой замеръ взоръ, твой взоръ застылъ,
„Дышалось астрами и садомъ,
„Въ окно осенній воздухъ плылъ...

„Ты помнишь?“ Голубымъ каскадомъ
Луна струитъ холодный блескъ,
И мы скользимъ въ молчаньи рядомъ.

„А это утро! Тихій плескъ
„Рѣки на отмели песчаной,
„Кузнечиковъ безпечный трескъ,

„Съ полей восторгъ благоуханный!
„Подъ яркой, лѣтней синевой,
„До чреслъ разоблаченной, странной,

„Я прошепталъ тебѣ: я—твой!
„Ты помнишь?“—Синевой одѣта
Луна надъ далью снѣговой.

Мой голосъ умеръ безъ отвѣта.
Идемъ мы, двое, въ тишинѣ,
Подъ чарой голубого свѣта.

„А день весенній! Какъ во снѣ
„Сіялъ намъ праздникъ первой встрѣчи.
„Сказалось все—тебѣ и мнѣ,

„Безъ ласкъ, безъ клятвъ, безъ словъ, безъ рѣчи,
„И какъ вѣнчальные огни
„Затеплились на еляхъ свѣчи!

„Святыня—тѣ былые дни!
„Я изнемогъ. Что было, снова,
„Чтобъ могъ воскреснуть я, верни!“

Зову въ безуміи. Ни слова.
Гляжу: лишь тѣнь моя, одна,
На ткани снѣжнаго покрова.

Какъ гробъ, мертва и холодна
Лазурная равнина снѣга,
Свое мерцанье льетъ луна,

На вышинѣ сверкаетъ Вега.

1894.

2. И СНОВА...

Октавы.

1.

И снова день въ томительномъ іюнѣ,
И снова вечеръ съ вкрадчивой луной.
Въ глухіе дни безумныхъ полнолуній
Я весь томлюсь тревогой неземной,
Мнѣ чуждо все, что звало наканунѣ,
Какъ призракъ, ночь летаетъ надо мной
И, властная, напѣвами заклятій
Зоветъ меня для мерзостныхъ объятій.

2.

И вотъ лучи погасли вдалекѣ,
Луна стоитъ грозящимъ василискомъ
На высотѣ. Я чувствую въ тоскѣ
Иное нѣчто въ вѣдомомъ и близкомъ.
Покинувъ домъ, спускаюсь я къ рѣкѣ,
Ищу свой путь по синеватымъ дискамъ,
Начертаннымъ листвою на землѣ,
Иду, иду—и не собьюсь во мглѣ.

3.

И призраки слетаются для пира,
Какъ цѣлый міръ видѣній и тѣней,
Какъ цѣлый міръ, невѣдомый для міра,
Живущій ночью, мертвый въ свѣтѣ дней!
На этотъ праздникъ, съ яростью вампира,
Вхожу я самъ—и тамъ встрѣчаюсь съ ней,
Съ моей мечтой, съ безжалостной царицей,
Холодной, темнокудрой, блѣднолицей.

4.

Ея глаза—закрытые цвѣты,
Ея уста—что́ губы сонныхъ ламій.
Ей грудь луна ласкаетъ съ высоты,
Къ ней вѣтеръ льнетъ, играя волосами.
Она беззвучно произноситъ: „Ты?“
И тайна Тьмы овладѣваетъ нами.
Мы связаны, мы въ узахъ страстныхъ рукъ,
Мы скованы—для сновъ, для ласкъ, для мукъ!

5.

Я помню боль, я помню ужасъ страсти,
И страшный видъ окровавленныхъ губъ,
И смутный звонъ разорванныхъ запястій!..

Но тамъ, въ горахъ, съ уступа на уступъ
Идетъ заря, и нѣтъ у ночи власти.
Кругомъ свѣтло, въ моихъ объятьяхъ трупъ...
Отпрянувъ, я смотрю въ безумной дрожи,
Какъ синева расходится по кожѣ.

6.

И я бѣгу, и долженъ я бѣжать!
Едва живой я дохожу до сада.
Блѣдна рѣки подернутая гладь,
Поютъ цвѣты и молится прохлада.
Святая тишь! земная благодать!
Моя душа зарей дышать такъ рада—
Свой ѳиміамъ, я строфы ей несу,
И, какъ свѣтлякъ, пью раннюю росу.

1895.

3. ТРИ СВИДАНІЯ.

I.

Черное море головъ колыхаетс я
Какъ живое чудовище,
Съ проходящими блестками
Красныхъ шапочекъ,
Голубенькихъ шарфовъ
Эполетовъ ярко-серебряныхъ
Живетъ, колыхается.

Какъ хорошо намъ отсюда,
Откуда-то сверху—высóко высóко—
Съ тобою смотрѣть на толпу.
Красивая рама свиданій!
Залитъ пассажъ электрическимъ свѣтомъ,
Звуки оркестра доносятся.
Старыя рѣчи любви
Къ сердцу изъ сердца восторженно просятся.
Милая, нѣтъ, я не лгу, говоря, что люблю я тебя.

II.

Въ зеркалѣ смутно удвоены
(Словно мило-невѣрныя риѳмы),
Свѣчи уже догораютъ.
Все неподвижно застыло:
Рюмки, бутылки, тарелки, —
Кресла, картины и шубы,
Шубы, тамъ вотъ, у входа.
Длинная зимняя ночь
Не удаляется прочь,
Мракъ намъ въ окно улыбается.

Глазки твои ненаглядные,
Глазки, слезами полные,
Дай расцѣлую я, милая!
Какъ хорошо намъ въ молчаніи!
(Намъ хорошо вѣдь, не правда ли?)
Стоитъ ли жизнь, чтобы плакать объ ней!
Улыбнись, какъ недавно,
Когда ты хотѣла что-то сказать
И вдругъ покраснѣла, смущенная,
Спряталась мнѣ на плечо,
Отдаваясь минутѣ банально прекрасной.
А я цѣловалъ твои волосы,
И смѣялся. Смѣялась и ты, повторяя:
„Гадкій, гадкій!“

Улыбнись и не плачь!
Мы разстанемся счастливо,

У подъѣзда холоднаго дома,
Морозною ночью.
Изъ моихъ объятій ты выскользнешь,
И вернешься опять, и опять убѣжишь,
И потомъ, наконецъ,
Пойдешь, осторожно ступая,
По темнымъ ступенямъ.

Мать тебя дожидается.
Сидитъ, полусонная, въ креслѣ.
Номеръ „Нивы“ заснулъ на столѣ,
А чулокъ на колѣняхъ...
Какъ она вздрогнетъ, услышавъ
Ключъ, затрещавшій въ замкѣ!
Ей захочется броситься
Навстрѣчу тебѣ,—но она,
Надвинувъ очки, принахмурится,
Спроситъ сурово:
„Откуда такъ поздно?“—А ты,
Что ты отвѣтишь тогда, дорогая?

III.

Холодъ ранней весны;
Темная даль съ огоньками;
Сзади—свѣтъ, голоса; впереди—
Путь, во мракъ убѣгающій.
Тихо мы идемъ по платформѣ.

Холодъ вокругъ и холодъ въ душѣ.
„Милый, ты меня поцѣлуешь?“
И близко
Видятся глазки за тѣнью слезинокъ.

Воздухъ разрѣзанъ свисткомъ.
Послѣдній топотъ и шумъ...
„Прощай же!“—и плачетъ, и плачетъ,
Какъ въ послѣдней сценѣ романа.
Поѣздъ рванулся. Идетъ Все мелькаетъ.
Свѣтъ въ темноту убѣгаетъ.
Одинъ.
Мысли проносятся въ сердцѣ, какъ тѣни·
Грезы, спускаясь, проходятъ ступени;
Падаютъ звѣзды; весна
Холодомъ дышитъ...
Навѣки...

1895.

4. ИДЕАЛЪ.

1.

Ее онъ увидѣлъ въ магическій часъ:
Былъ вечеръ лазурнымъ и западъ погасъ,
И первыя тѣни надъ полемъ и лѣсомъ
Дрожали, сквозили ажурнымъ навѣсомъ.
Въ таинственномъ храмѣ весеннихъ тѣней,
Мечтатель, онъ встрѣтился съ грезой своей.

2.

Они обмѣнялись медлительнымъ взглядомъ...
И дѣвичьимъ, бѣлымъ, прозрачномъ нарядомъ
Она замелькала межъ тонкихъ стволовъ,
И долго смотрѣлъ онъ,—безъ грезъ и безъ словъ,
Смотрѣлъ, наслаждаясь представшимъ видѣньемъ,
Смотрѣлъ, отдаваясь наставшимъ мгновеньямъ.

3.

Сіяньемъ ихъ жизнь озарилась съ тѣхъ поръ,
Какъ будто на небѣ застылъ метеоръ;
И стали ихъ дни многоцвѣтны и ярки,
Какъ радостныхъ радугъ воздушныя арки;
Имъ были слѣпительны думы и сны,
Какъ пышное утро расцвѣтшей весны!

4.

Но въ чистыя дали ихъ робкихъ мечтаній
Не смѣло проникнуть желанье свиданій:
Въ открытыхъ просторахъ ихъ дѣвственныхъ грезъ
Клонились цвѣты подъ наитіемъ росъ,
Шептала волна на прибрежьи лагуны,
Чуть слышно звенѣли незримыя струны.

5.

И дивное счастье повѣдалъ имъ Богъ.
Вдали отъ людей и отъ шумныхъ тревогъ,
Въ молчаньѣ лѣсномъ, убаюканномъ тайной,
Другъ съ другомъ они повстрѣчались случайно.
Такъ въ старой бесѣдкѣ, игрой вѣтерка,
Другъ съ другомъ сплетаются два лепестка.

6.

И, точно друзья послѣ долгой разлуки,
Они протянули увѣренно руки,
И все, о чемъ каждый мечталъ самъ съ собой,
Другой угадалъ вдохновенной душой.
И были не нужны ни клятвы, ни рѣчи
При этой короткой задумчивой встрѣчѣ.

7.

То былъ мотылекъ, пилигримъ вечеровъ,
Который подслушалъ прощанье безъ словъ,
То было смущенное облачко мая,
Которое, въ дали лазоревой тая,
Надъ лиліей видѣло алый цвѣтокъ:
Улыбку, склоненную къ трепету щекъ!

8.

И больше они никогда не встрѣчались!
Но свѣтлой святыней въ ихъ душахъ остались
Блаженныя тѣни мгновеннаго дня...
И жили они, эту тайну храня,
И память о жизни, о горестной жизни,
Была ихъ наградой въ небесной отчизнѣ.

1894—96.

ЭТО—Я

(1896—1898)

ОДИНОЧЕСТВУ ТѢХЪ ДНЕЙ.

Изъ сборниковъ «Me eum esse»
и «Книга Раздумій».

„О, эти звенящія строки!
Ты самъ написалъ ихъ когда-то!“
— Звенящія строки далеки,
Какъ призракъ умершаго брата.

„О, вслушайся въ голосъ подруги!
Зову я къ восторгамъ безстрастья!“
— Я слышу: на радостномъ Югѣ
Гремятъ сладострастно запястья.

„Я жду, я томлюсь одиноко,
Мнѣ лучъ ни единый не свѣтитъ!“
— Твой голосъ далеко, далеко,
Тебѣ не могу я отвѣтить.

1900.

НОВЫЕ ЗАВѢТЫ.

I.

Какъ царство бѣлаго снѣга,
Моя душа холодна.
Какая странная нѣга
Въ мірѣ холоднаго сна!—
Какъ царство бѣлаго снѣга,
Моя душа холодна.

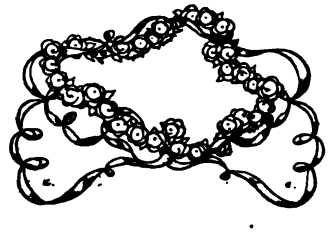
Проходятъ блѣдныя тѣни,
Подобны чарамъ волхва,
Звучатъ и клятвы, и пени,
Любви и побѣды слова...
Проходятъ блѣдныя тѣни,
Подобныя чарамъ волхва.

А я всегда, неизмѣнно,
Молюсь неземной красотѣ;
Я чуждъ тревогамъ вселенной.
Отдавшись холодной мечтѣ;
Отдавшись мечтѣ,—неизмѣнно
Я молюсь неземной красотѣ.

2.

...И, покинувъ людей, я ушелъ въ тишину,
Какъ мечта одинокъ, я мечтами живу,
Позабывъ обаянья безцѣльныхъ надеждъ,
Я смотрю на мерцанья сочувственныхъ звѣздъ.

Есть великое счастье—познавъ, утаить;
Одному любоваться на грезы свои;
Безотвѣтно твердить откровеній слова,
И въ пустынѣ слѣдить, какъ восходитъ звѣзда.



ВИДѢНІЯ.

I. ВЕСНА.

Бѣлая роза дышала на тонкомъ стеблѣ.
Дѣвушка вензель чертила на зимнемъ стеклѣ.

Голуби рѣяли смутно сквозъ призрачный снѣгъ.
Грезы томили все утро предчувствіемъ нѣгъ.

Дѣвушка долго и долго ждала у окна.
Гдѣ-то за моремъ тогда расцвѣтала весна.

Вечеръ насталъ и земное утѣшилось сномъ.
Дѣвушка плакала ночью въ тиши,—но о комъ?

Бѣлая роза увяла безъ слезъ въ эту ночь.
Голуби утромъ мелькнули—и кинулись прочь.

2. НА БУЛЬВАРѢ.

Съ опущеннымъ взоромъ, въ пелериночкѣ бѣлой,
Она мимо насъ мелькнула несмѣло.
Съ опущеннымъ взоромъ, въ пелериночкѣ бѣлой.

Это было на улицѣ, сѣрой и пыльной,
Гдѣ деревья бульвара склонялись безсильно,
Это было на улицѣ сѣрой и пыльной.

И только небо—всегда голубое—
Сіяло, прекрасное, въ строгомъ покоѣ,
Одно лишь небо, всегда голубое!

Мы стояли съ тобой молчаливо и смутно...
Волновалась улица жизнью минутной.
Мы стояли съ тобой молчаливо и смутно.

3. ВЪ ТРАУРѢ.

Она была въ траурѣ съ длинной вуалью;
На небѣ горѣли въ огнѣ облака.

Черты ея нѣжно дышали печалью;
Небесныя тайны качала рѣка.

Но яркое небо—миражъ непонятный,
Но думы печали—обманы минутъ;

А строгія строфы скользятъ невозвратно,
Скользятъ и не дышатъ,—и вѣчно живутъ.

4. МГНОВЕНІЕ.

Одинъ ея взглядъ ярче тысячи звѣздъ!
Небесный, алмазный, сверкающій крестъ,—
Одинъ ея взглядъ выше тысячи звѣздъ!

Я встрѣтилъ на мигъ лишь одинъ ея взглядъ,—
Алмазные отсвѣты такъ не горятъ...
Я встрѣтилъ на мигъ одинъ ея взглядъ.

О, что за вопросы видѣлись въ немъ!
Я смутно померкъ въ вѣнцѣ золотомъ—
О, что за вопросы видѣлись въ немъ!

Умрите, умрите, слова и мечты,—
Что можетъ вся мудрость предъ сномъ красоты?
Умрите, умрите, слова и мечты!

5. ТУМАНЪ.

Пьяныя лица и дымный туманъ...
Въ дымкѣ туманной лепечетъ фонтанъ.

Отзвуки смѣха и грубый вопросъ...
Блещутъ на лиліяхъ отблески росъ.

Клонятся красныя губы ко мнѣ...
Звѣзды безстрастно плывутъ въ вышинѣ.

6. ПРОДАЖНАЯ.

Едва ли ей было четырнадцать лѣтъ—
Такъ задумчиво гасли линіи бюста.
О, какъ ей не шелъ пунцовый цвѣтъ,
Символъ страстнаго чувства!

Альковъ задрожалъ золотой бахромой—
Она задернула длинныя кисти.
О, да! ей грезился сводъ голубой
И зеленые листья.

7. РАЗСВѢТЪ.

День разсвѣтаетъ, встрѣчая мечту...
Въ сумракѣ дня я молитву прочту.

Мутной зарей озарилось окно...
Господи! сердце тебѣ отдано.

Женская тѣнь на постели блѣдна...
Нѣтъ! я не знаю недавняго сна!

8. ПОЗОРЪ.

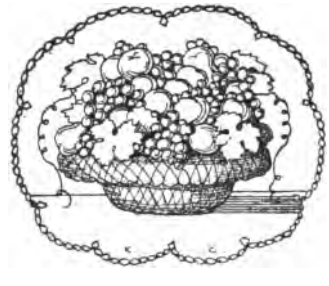
Вѣнчальныя платья мы сняли,
Сронили къ ногамъ ожерелья
И въ царственнной Залѣ Веселья
Смущенной толпою стояли.

Почти обнаженныя, всѣ мы
Поднять наши взоры не смѣли,
И только надменно горѣли
У насъ въ волосахъ діадемы.

9. ВѢТВИ.

Вѣтви склонялись въ мое окно,
Подъ вѣтромъ гнулись, тянулись въ окно,
И занавѣска, дрожа, томясь,
На бѣлой лентѣ ко мнѣ рвалась;
Но я смотрѣлъ въ окно мимо нихъ,
Мой взоръ погасалъ въ небесахъ голубыхъ.

—Тамъ, гдѣ движенья и страсти нѣтъ,
Тамъ вѣчно свѣтитъ нетлѣнный свѣтъ,
О чемъ мы бредимъ во снѣ, сквозь сонъ,
Тѣмъ міръ незримо всегда напоенъ;
Красота и смерть неизмѣнно одно...
А вѣтви гнутся и рвутся въ окно.



СКИТАНІЯ.

1.

Мѣрный шумъ колесъ,
Поле, рядъ березъ,
Много мутныхъ грезъ;
Мчимся, мчимся, мчимся...

Мѣрный шумъ и шумъ,
Сводъ небесъ угрюмъ,
Много мутныхъ думъ;
Дальше! Дальше! Дальше!

2.

Мѣсяцъ блѣдный, словно облако,
Неподвижный, странный лѣсъ,
Тамъ далеко шпиль—и около
Золотой, блестящій крестъ.

Поѣздъ вьется быстро, медленно,
Скрылся лѣсъ и нѣтъ креста,—
Но въ лазури тайна мѣсяца
Неизмѣнна и чиста.

3.

Мы ѣхали долго, безъ цѣли, куда-то,
Куда-то далеко, впередъ, безъ возврата...
Поспѣшно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убѣгали,
Сурово стучали подъ нами мосты.

Мы ѣхали долго. Намъ дождь повстрѣчался
И долго въ оконныя стекла стучался,
Угрюмо пророча печаль...
Но мы ускользнули за области бури
И къ чистой лазури мы ринулись вдаль!

4.

Поѣздъ врывается въ древнія скалы,
— Слѣва и справа гранитъ.
Вотъ на тропѣ пѣшеходъ запоздалый
Сталъ, прислонился, глядитъ.

Вырвались... Склоны, покрытые лѣсомъ,
Домики, поле, рѣка,
Старая кирка подъ чернымъ навѣсомъ.
Даль—хороша, далека.

Дальше... Опять надвигаются горы,
За́мокъ сошелъ на утесъ,
Черныя сосны, расщелинъ узоры...
Грохотъ и хохотъ колесъ!

Близъ Магдебурга.

5.

Спитъ вагонъ, мерцаетъ газъ,
Поѣздъ мчитъ, уноситъ насъ.
Безконечна даль полей,
Мѣсяцъ горестный надъ ней.

Съ Юга. съ Юга—въ міръ снѣговъ
Мчится поѣздъ мертвецовъ.
Смотритъ мѣсяцъ къ намъ въ окно,
Только мертвымъ—все равно!

6.

О, плачьте, о, плачьте
До радостныхъ слезъ!
— Высоко на мачтѣ
Мелькаетъ матросъ.

За гранью страданій
Есть новые дни.
— Надъ моремъ въ туманѣ
Сверкнули огни.

Желанья—какъ воды,
Страданья—маякъ...
— Плывутъ пароходы
Въ таинственный мракъ.

Новороссійскъ.

7.

Четкія линіи горъ;
Блѣдно—невѣрное море...
Гаснетъ восторженный взоръ,
Тонетъ въ безсильномъ просторѣ.

Создалъ я въ тайныхъ мечтахъ
Міръ идеальной природы,—
Что́ передъ нимъ этотъ прахъ:
Степи, и скалы, и воды!

Ореанда.

НЕНУЖНАЯ ЛЮБОВЬ.

1.

И снова дрожатъ онѣ, грезы безсильныя,
Безсильныя грезы ненужной любви;
Какъ сестры, какъ братья, ряды кипарисные
Задумчиво слушаютъ думы мои;
Съ упрекомъ лаская тростинки росистыя,
О будущемъ горѣ лепечутъ ручьи,
А въ сердцѣ дрожатъ, невозможныя, чистыя,
Безсильныя грезы ненужной любви.

2.

Сквозь туманъ таинственный
Голосъ слышу вновь,
Голосъ твой единственный,
Юная любовь!

Тихо наклоняется
Призракъ надо мной,
Призракъ улыбается,
Блѣдный и земной.

Вотъ зажглись жемчужныя
Звѣзды въ небесахъ,
И слова ненужныя
Снова на устахъ!

3.

О, когда бы я назвалъ своею
Хоть тѣнь твою!
Но и тѣни твоей я не смѣю
Сказать: люблю.

Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркалъ,
И твой образъ надъ призрачной бездной
На мигъ дрожалъ.

Онъ ушелъ, какъ въ пустую безбрежность,
Во глубь стекла...
И опять для меня—безнадежность
И смерть, и мгла!

4.

Въ лабиринтѣ аллей,
Между скалъ и развалинъ,
Я тоскую о ней,
Я блуждаю, печаленъ.

Мигъ завѣтный придетъ...
Сердце странно сожмется,
И она промелькнетъ,
И она улыбнется.

Въ полуночи аллей,
До луны и до свѣта,
Я мечтаю о ней,
Я томлюсь отъ привѣта.

5.

Я помню вечеръ, блѣдно-скромный,
Цвѣты усталыхъ георгинъ,
И дѣтскій взоръ,—онъ мнѣ напомнилъ
Глаза египетскихъ богинь.

Нѣтъ, я не знаю жизни смутной:
Горятъ огни, шумитъ толпа,—
Въ моихъ мечтахъ—Твои минуты,
Твои мемѳисскіе глаза.

6.

Поблѣднѣвшія звѣзды дрожали,
Трепетала листва тополей,
И, какъ тихая греза печали,
Ты прошла по завѣтной аллеѣ.

По аллеѣ прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари,
И туманная грусть озарилась
Серебристою риѳмой Маріи.

7.

Мы бродили, вдвоемъ и печальны,
Между тонкихъ высокихъ стволовъ,
Безпощадныя, жадныя тайны
Насъ томили, томили безъ словъ.
Мы бродили, вдвоемъ и печальны,
Между тонкихъ высокихъ стволовъ...

Желтоватый, безжизненный мѣсяцъ
Надъ лугами взошелъ и застылъ,
Міръ тѣней—утомленъ и невеселъ—
Къ отдаленнымъ кустамъ отступилъ.
Желтоватый, безжизненный мѣсяцъ
За стволами взошелъ и застылъ.

Ты хотѣла сказать... Невозможнымъ
Диссонансомъ раздались слова:
Стебельки закачались тревожно,
Трепеща зашептала трава,
Диссонансомъ больнымъ, невозможнымъ
Въ тишинѣ прозвучали слова.

И опять—набѣгающій сумракъ
Отуманилъ молчанье кругомъ.
Отдаваясь мучительнымъ думамъ,
Мы брели въ полумракѣ лѣсномъ,
И безжизненный мѣсяцъ—угрюмо—
Озарялъ насъ съ тобою вдвоемъ.

Кисловодскъ.

ВѢЯНЬЕ СМЕРТИ.

I.

Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Встрѣчалъ я тѣнь.

А. Полежаевъ.

И ночи, и дни примелькались,
Какъ дольныя тѣни волхву.
Въ безжизненномъ мірѣ живу,
Живыми лишь думы остались.

И нѣтъ никого на землѣ
Съ ласкающимъ, горестнымъ взглядомъ,
Кто бъ въ этой томительной мглѣ
Томился и мучился рядомъ.

Часы неизмѣнно идутъ,
Идутъ, и минуты считаютъ...
О, стукъ перекрестныхъ минутъ!
— Такъ медленно гробъ забиваютъ.

2.

Послѣ ночи безсонной,
Послѣ тягостныхъ думъ,
Страненъ звонъ отдаленный,
Гармоническій шумъ.

Полутьма не рѣдѣетъ,
И декабрьская ночь
Словно медлитъ, не смѣетъ,
Отодвинуться прочь.

Сумракъ думъ безъ просвѣта.
Темны дали судьбы.
Я не знаю отвѣта
На призывъ, на мольбы.

Все грядущее грозно,
Нѣтъ надежды въ быломъ,
Безпощадное „поздно“
Прозвучало, какъ громъ.

Эти слезы невольны:
Это—стоны души...
Чу! призывъ колокольный
Вырастаетъ въ тиши.

3.

Ни красокъ, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрыхъ рыбъ, ни полумертвыхъ розъ,
Ни даже сновъ безпечнаго разврата,
Ни слезъ!

Потокъ созвучій всѣ слова унесъ,
За вечера видѣній вотъ расплата!
Но странно нѣжитъ эта мгла безъ грезъ,
Безъ слезъ!

Послѣдній лучъ въ предчувствіи заката
Блѣднѣетъ... Ночь близка... Померкъ утесъ..
Мнѣ все равно. Не надо—ни возврата,
Ни слезъ!

4.

Я бы умеръ съ тайной радостью
Въ часъ, когда взойдетъ луна.
Овѣваетъ странной сладостью
Тѣнь таинственнаго сна.

Безпредѣльнымъ далямъ преданный,
Тамъ, гдѣ меркнетъ свѣтъ и шумъ,
Я покину кругъ извѣданный
Повторенныхъ словъ и думъ.

Грань познанія и жалости
Сердце вольно перейдетъ,
Въ вѣчной безднѣ, безъ усталости,
Будетъ плыть впередъ, впередъ.

И все новой, странной сладостью
Овѣваетъ призракъ сна...
Я бы умеръ съ тайной радостью
Въ часъ, когда взойдетъ луна.

5.

Кончено, кончено! Я побѣжденъ.
— Смѣйтесь!
Погасъ, погасъ весенній сонъ...
Листья осенніе, вейтесь!

Медленно всходитъ былая луна,
Всходитъ...
Горитъ въ огняхъ, горитъ волна;
Челнокъ опрокинутый бродитъ.

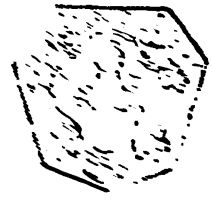
Утромъ наляжетъ на ропотный лѣсъ
Иней,
И, все въ крови,—укоръ небесъ—
Солнце взойдетъ надъ пустыней.

6.

...Я вернулся на яркую землю,
Межъ людей, какъ въ туманѣ, брожу,
И шумящему говору внемлю,
И въ горящіе взоры гляжу.

Но за ропотомъ снѣжной мятели,
И подъ шопотъ ласкающихъ словъ—
Не забылъ я полей асфоделей,
Залетейскихъ нѣмыхъ береговъ.

И въ сіяньи земныхъ отраженій
Мнѣ все грезятся—ночью и днемъ—
Проходящія смутныя тѣни,
Озаренныя тусклымъ огнемъ.



ВЪ ПУТИ.

I.

Сумракъ за чернымъ окномъ
Въ полночь тоскливо погасъ.
Думы овѣяны сномъ
Въ этотъ загадочный часъ.

Странницы жизни, мечты
Около длинныхъ гробницъ,
Въ склепѣ былой красоты
Пали, простертыя ницъ.

Звукъ заклинающихъ словъ,
Дрогнувъ среди тишины,
Тихо коснулся гробовъ,
Словно улыбка луны.

Въ дѣвственно чистыхъ вѣнцахъ,
Въ бѣломъ сіяньи одеждъ,
Вотъ приподнялись въ гробахъ
Тѣни погибшихъ надеждъ.

Очи глядятъ на меня,
Руки тревожно дрожатъ...
Сладко предчувствіе дня,
Томенъ цвѣтовъ ароматъ.

Сердце, зачѣмъ, о зачѣмъ
Ты умираешь во снѣ!
Сумракъ, безстрастенъ и нѣмъ,
Тускло глядится ко мнѣ.

2.

Тайны мрака поблѣднѣли;
Неземныя акварели
Прояснились на востокѣ;
Но, таинственно-далеки,
Звѣзды ночи не хотѣли,
Уступивъ лучу денницы,
Опустить свои рѣсницы.

И въ моей душѣ усталой
Брежжитъ день лазурно-алый,
Вѣетъ влагой возрожденья,—
Но туманныя сомнѣнья
Нависаютъ, какъ бывало,
И дрожатъ во мглѣ сознанья
Изступленныя желанья.

3.

Прохлада утренней весны
Пьянитъ ласкающимъ намекомъ;
О чемъ-то горестно далекомъ
Поютъ осмѣянные сны.

Бреду въ молчаньи одинокомъ.

О чемъ-то горестно далекомъ
Поютъ осмѣянные сны,
О чемъ-то чистомъ и высокомъ,
Какъ дуновеніе весны.

Бреду въ молчаньи одинокомъ.

О чемъ-то странномъ и высокомъ,
Какъ приближеніе весны...
Въ душѣ, съ привѣтомъ и упрекомъ,
Встаютъ отвергнутые сны.

Бреду въ молчаньи одинокомъ.

4.

Изъ бездны ужасовъ и слезъ,
По ступенямъ безвѣстной цѣли,
Я восхожу къ дыханію розъ
И блѣдно-палевыхъ камелій.

Мнѣ жаль восторженнаго сна
Съ палящей роскошью видѣній;
Опять къ позору искушеній
Душа мечтой увлечена.

Едва шепнуть слова заклятій,—
И блескомъ озарится мгла,
Мелькнутъ, для плясокъ, для объятій,
Нагія, страстныя тѣла...

Но умираетъ вызовъ властный
На сомкнутыхъ устахъ волхва.
Пускай желанья сладострастны,—
Покорно холодны слова!

5.

Послѣднія думы
О яркой землѣ
Витаютъ, угрюмы,
Въ безжизненной мглѣ;

Зловѣщи и хмуры
Скользятъ межъ тѣней,—
Слѣпые лемуры
Погибшихъ страстей;

Шныряютъ какъ совы
Въ сіяніи дня,
Готовы, готовы
Вонзиться въ меня!

Но мысль отгоняетъ
Невольный испугъ
Меня охраняетъ
Магическій кругъ,

И тайные знаки
Свершая жезломъ,
Стою я во мракѣ
Безстрастнымъ волхвомъ.

6.

Въ часъ, когда Геній вечерней прохлады
Жизнь возвращаетъ цвѣтамъ,
Къ Озеру Сновъ, по знакомымъ тропамъ,
Медленно тянутся гады.

Тамъ они въ ясной и чистой тиши
Водятъ круги омерзительной пляски,
Правятъ подъ мѣсяцемъ липкія ласки,
Слизью сквернятъ камыши.

Въ жуткой тревогѣ святыя видѣнья
Къ небу восходятъ какъ бѣлый туманъ,
Сны мои черны,—и снова я пьянъ
Мутнымъ виномъ искушенья.

7.

Не плачь и не думай:
Прошедшаго—нѣтъ!
Привѣтственнымъ шумомъ
Врывается свѣтъ.

Уснувши, ты умеръ
И утромъ воскресъ,—
Смотри же безъ думы
На дали небесъ.

Что вѣчно,—желанно,
Что горько,—умретъ...
Иди неустанно
Впередъ и впередъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

I. ГОДЫ МОЛЧАНІЯ.

Есть для избранныхъ годы молчанія.
Они придутъ—
И осудятъ былыя желанія...
О, строгій судъ!

Но томленье о благѣ единственномъ
Не явитъ намъ,
Какъ пройти переходомъ таинственнымъ
Къ инымъ мечтамъ.

Въ лабиринтѣ блуждая, безсильные,
Собьемся мы,
И заманятъ насъ въ глуби могильныя
Соблазны тьмы!

2. ЧИСЛА.

Не только въ жизни боговъ и демоновъ
раскрывается могущество числа.

Пиѳагоръ.

Мечтатели, сибиллы и пророки,
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли—внѣ сознанія—далеко,
Туда, гдѣ свѣтятъ царственныя числа.

Предчувствіе разоблачаетъ тайны,
Проводникомъ нелицемѣрнымъ свѣтитъ:
Едва откроется намекъ случайный,
Объемлетъ насъ непересказный трепетъ.

Вамъ поклоняюсь, васъ желаю, числа!
Свободныя, безплотныя какъ тѣни,
Вы радугой связующей повисли
Къ раздуміямъ съ вершины вдохновенья!

3. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.

Я не знаю другихъ обязательствъ,
Кромѣ дѣвственной вѣры въ себя.
Этой истинѣ нѣтъ доказательствъ,
Эту тайну я понялъ, любя.

Безконечны пути совершенства,
О, храни каждый мигъ бытія!
Въ этомъ мірѣ одно есть блаженство
Сознавать, что ты выше себя.

Презрѣнье—безстрастіе—нѣжность—
Эти три,—вотъ дорога твоя.
Хорошо, уносясь въ безбрежность,
За собою видѣть себя.

4. СТРОГОЕ ЗВЕНО.

А. Курсинскому.

Для всѣхъ приходятъ въ свой чередъ
Дни отреченья, дни томленья.
Одна судьба насъ всѣхъ ведетъ,
И въ жизни каждой—тѣ же звенья!

Мы всѣ, мы всѣ переживемъ,
Что было близко лучшимъ душамъ,
И будемъ плакать о быломъ,
И клятвы давнія нарушимъ!

За снами страсти—суждено
Всѣмъ подступить къ завѣтнымъ тайнамъ,
И это строгое звено
Не называй въ цѣпи случайнымъ!

1899.

ТРЕТЬЯ СТРАЖА

(1898—1901)

ПАМЯТИ

ИВАНА КОНЕВСКАГО И ГЕОРГА БАХМАНА,

ДВУХЪ УШЕДШИХЪ.

Изъ сборника «Tertia Vigilia».

Ребенкомъ я, не зная страху,
Хоть вечеръ былъ и шла метель,
Блуждалъ въ лѣсу, и встрѣтилъ пряху,
И полюбилъ ея кудель.

И было мнѣ такъ сладко въ дѣтствѣ
Слѣдить мелькающую нить,
И много странныхъ соотвѣтствій
Съ мечтами въ краскахъ находить.

То нить казалась бѣлой, чистой;
То вдругъ, подъ медленной луной,
Блистала тканью серебристой;
Потомъ слилась со мглой ночной.

И нынѣ я на третьей стражѣ.
Востокъ означился, горя,
И заливаетъ нити пряжи
Кровавымъ отблескомъ заря!

1901.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

1. ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Я убѣжалъ отъ пышныхъ брашенъ,
Отъ плясокъ сладострастныхъ дѣвъ,
Туда, гдѣ міръ унылъ и страшенъ;
Тамъ жилъ, прельщенія презрѣвъ.

Бродилъ, свободный, одичалый,
Таился въ норахъ давней мглы;
Меня привѣтствовали скалы,
Со мной сосѣдили орлы.

Мои прозрѣнья были дики,
Мой каждый день запечатлѣнъ;
Крылато-радостные лики
Глядѣли съ довременныхъ стѣнъ.

И много зимъ я былъ въ пустынѣ,
Покорно преданный Мечтѣ...
Но былъ мнѣ гласъ. И снова нынѣ
Я—въ шумѣ словъ, я—въ суетѣ.

Надѣлъ я прежнюю порфиру,
Умастилъ миромъ волоса.
Едва предсталъ я, гордый, пиру,
„Ты царь!“—рѣшили голоса.

Среди царицъ веселой пляски
Я вольно предъизбралъ одну:
Да обрѣту въ желаньи ласки
Свою безвольную весну!

И ты, о, мой цвѣтокъ долинный,
Какъ стебель повлеклась ко мнѣ.
Тебя плѣнилъ я сказкой длинной...
Ты—на яву, и ты—во снѣ.

Но если, страстный, въ мигъ завѣтный,
Заслышу я мой трубный звукъ,
—Воспряну! кину кличъ отвѣтный
И вырвусь изъ стѣсненныхъ рукъ!

2. РОНДО.

К. Д. Бальмонту.

Я знаю бѣглость Ночи и Зимы,
Молюсь увѣренно Зарѣ и Маю.
Что въ будущемъ восторжествуемъ мы,
Я знаю.

Я въ человѣкѣ Бога прозрѣваю.
Разсѣется при свѣтѣ сонъ тюрьмы,
И міръ дойдетъ къ предсказанному раю.

Не страшно мнѣ и царство нашей тьмы:
Въ немъ чью-то близость духомъ постигаю.
Я въ безднахъ не одинъ! — что двое мы,
Я знаю!

3. — Я. —

Мой духъ не изнемогъ во мглѣ противорѣчій,
Не обезсилѣлъ умъ въ сцѣпленьяхъ роковыхъ.
Я всѣ мечты люблю, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ.

Я возносилъ мольбы Астартѣ и Гекатѣ,
Какъ жрецъ, стотельчихъ жертвъ самъ проливалъ я кровь,
И послѣ подходилъ къ подножіямъ распятій
И славилъ сильную, какъ смерть, любовь.

Я посѣщалъ сады Ликеевъ, Академій,
На воскѣ отмѣчалъ рѣченья мудрецовъ,
Какъ вѣрный ученикъ, я былъ ласкаемъ всѣми,
Но самъ любилъ лишь сочетанья словъ.

На островѣ Мечты, гдѣ статуи, гдѣ пѣсни,
Я изслѣдилъ пути въ огняхъ и безъ огней,
То поклонялся тѣмъ, что ярче, что тѣлеснѣй,
То трепеталъ въ предчувствіи тѣней.

И странно полюбилъ я мглу противорѣчій,
И жадно сталъ искать сплетеній роковыхъ.
Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ...

4. — МЫ. —

Въ мірѣ широкомъ, въ морѣ шумящемъ
Мы—гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящимъ,
Предчувствіемъ пѣсни полны.

Радуйтесь, братья, вѣрнымъ побѣдамъ!
Смотрите на даль съ вышины!
Намъ чуждо сомнѣнье, намъ трепетъ невѣдомъ,—
Мы—гребень встающей волны.

ЛЮБИМЦЫ ВѢКОВЪ.

I. АССАРГАДОНЪ.

Ассирійская надпись.

Я—вождь земныхъ царей и царь, Ассаргадонъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!
Едва я принялъ власть, на насъ возсталъ Сидонъ.
Сидонъ я ниспровергъ, и камни бросилъ въ море.

Египту рѣчь моя звучала, какъ законъ,
Эламъ читалъ судьбу въ моемъ единомъ взорѣ,
Я на костяхъ враговъ воздвигъ свой мощный тронъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!

Кто превзойдетъ меня? кто будетъ равенъ мнѣ?
Дѣянья всѣхъ людей—какъ тѣнь въ безумномъ снѣ,
Мечта о подвигахъ—какъ дѣтская забава.

Я исчерпалъ до дна тебя, земная слава!
И вотъ стою одинъ, величьемъ упоенъ,
Я, вождь земныхъ царей и царь—Ассаргадонъ.

Божественный пастухъ! среди тиши и мрака
Ты слышалъ имена, ты видѣлъ горній свѣтъ:
Ты первый начерталъ пути своихъ планетъ,
Нашелъ названія для знаковъ Зодіака.

И пусть безлюдіе, нагая степь вокругъ;
Въ ту ночь извѣдалъ ты все счастье дерзновенья.
И въ этой радости дай слиться на мгновенье
Съ тобой, о, искренній, о, неизвѣстный другъ!

4. РАМСЕСЪ.

Отрывокъ.

По бездорожьямъ царственной пустыни,
Изнемогая жаждой, я блуждалъ.
Лежалъ песокъ, за валомъ валъ,
Сіяли небеса, безжалостны и сини...
Межъ небомъ и землей я былъ такъ малъ.

И, встрѣтивъ памятникъ, въ пескахъ забытый,
Повергся я на каменный помостъ.
Палили тѣло пламенныя плиты,
И съ неба падалъ дождь огнистыхъ звѣздъ.
Но въ полумглѣ томительнаго бреда
Нащупалъ надпись я на камняхъ тѣхъ:

— Черты, круги, людскіе лики, грифы—
Я разбиралъ, дрожа, гіероглифы:
„Мнѣ о забвеньи говорятъ,—о, смѣхъ!
Вѣкамъ вѣщаютъ обо мнѣ побѣды!“

И я смѣялся смыслу знаковъ тѣхъ
Въ невѣрной мглѣ томительнаго бреда.

— Кто ты, воитель дерзкій? духъ тревожный?
Ты—Озимандія? Ассаргадонъ? Рамсесъ?
Тебя не знаю я, твои вѣщанья ложны!
Жильцы пустынь, мы всѣ равно ничтожны
Въ вѣкахъ земли и въ вѣчности небесъ.

И всталъ тогда передо мной Рамсесъ.

. . . . . .

5. АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

Неустанное стремленье отъ судьбы къ иной судьбѣ,
Александръ Завоеватель, я—дрожа—молюсь тебѣ.

Но не въ часъ ужасныхъ боевъ, возлѣ древнихъ Гавгемалъ,
Ты среди земныхъ героевъ думы славой оковалъ.

Я люблю тебя, Великій, въ часъ иного торжества.
Были буйственные клики, ропотъ противъ божества.

И къ войскамъ ты сталъ, какъ солнце; ослѣпилъ ихъ грозный взглядъ,.
И безвольно Македонцы вдругъ отпрянули назадъ.

Ты воззвалъ къ нимъ: „Вы забыли, кѣмъ вы были, что̀ теперь!
Какъ стада въ поляхъ бродили, въ чащу прятались, какъ звѣрь.

Создана отцомъ фаланга, вашу мощь открылъ вамъ онъ;
Вы со мной прошли до Ганга, въ Сарды, въ Сузы, въ Вавилонъ.

Или мните: государемъ сталъ я милостью мечей?
Мнѣ державство отдалъ Дарій! скипетръ мой, иль онъ ничей!

Уходите! путь открытый! размечите бранный станъ!
Дома дѣтямъ разскажите о красотахъ дальнихъ странъ,

Какъ мы шли въ горахъ Кавказа, про пустыни, про моря...
Но припомните въ разсказахъ, гдѣ вы кинули царя!

Уходите! ждите славы! Но—Аммона вѣчный сынъ—
Здѣсь, по царственному праву, я останусь и одинъ.“

Какъ хорошъ ты былъ, Могучій, съ блескомъ гнѣва на лицѣ!..
Разошлись войска, какъ тучи; ты—одинъ въ своемъ дворцѣ.

Отъ куреній залы пьяны, дышатъ золото и шелкъ.
Въ ласкахъ трепетной Роксаны гнѣвъ стихаетъ и умолкъ.

Царь семнадцати сатрапій, царь Египта двухъ коронъ,
На тебя—со скиптромъ въ лапѣ—со стѣны глядитъ Аммонъ.

Стихли толпы, колесницы, на равнину палъ туманъ...
Но, едва зажглась денница, взволновался шумный станъ.

Въ полѣ стонъ необычайный, молятъ, падаютъ во прахъ...
Не вздохнулъ ли, Гордый, тайно о своихъ ночныхъ мечтахъ?

О, завѣтное стремленье отъ судьбы къ иной судьбѣ,
Въ часъ сомнѣнья и томленья я опять молюсь тебѣ!

6. ЛАМІЯ.

Въ дни весеннихъ новолуній
Приходи, желанный другъ!
На горѣ ночныхъ колдуній
Соберется тайный кругъ.

Вѣрны сладостной Гекатѣ,
Мы сойдемся у костра.
Если жаждешь ты объятій,
Будешь съ нами до утра.

Всѣхъ красивѣй я изъ ламій!
Грудь—бѣла, а губы—кровь.
Я вопьюсь въ тебя губами,
Перелью въ тебя любовь.

Косы брошу я, какъ тучу,
—Ароматомъ ихъ ты пьянъ,—
Оплету, сдавлю, измучу,
Унесу, какъ ураганъ.

А потомъ замру, застыну,
Буду, словно теплый трупъ,
Члены въ слабости раскину,
Яства пышныя для губъ.

Въ этихъ смѣнахъ наслажденій
Будемъ биться до утра.
Утромъ сгинемъ мы, какъ тѣни,
Ты очнешься у костра.

Будешь ты одинъ, безсильный...
Милый, близкій! жаль тебя!
Я ґублю, какъ духъ могильный,
Убиваю я, любя.

Подчинись рѣшенной платѣ:
Жизнь за ласку, милый другъ!
Вѣренъ сладостной Гекатѣ,
Приходи на тайный лугъ.

7. АМАЛТЕЯ.

Пустыненъ берегъ тусклаго Аверна,
Дрожатъ кругомъ священные лѣса,
Уступы горъ отражены невѣрно

И, какъ завѣса, мутны небеса.
Здѣсь, въ тишинѣ, въ пещерѣ сокровенной,
Внимая вѣчно чьи-то голоса,

Живетъ сибилла. Судьбы всей вселенной
Предъ ней проходятъ;—лица, имена
Смѣняются, какъ сны, въ игрѣ мгновенной.

И этой смѣной сновъ потрясена,
Сама не постигая ихъ значенья,
На свиткахъ записать спѣшитъ она

И звуки словъ, и вѣщія видѣнья,
Пророчества, и тайны божества.
И пишетъ, и дрожитъ отъ изступленья,

И въ ужасѣ читаетъ тѣ слова...
Но конченъ свитокъ, и со смѣхомъ, злобно,
Она его бросаетъ и, едва

Успѣвъ взглянуть, беретъ другой, подобный,
И пишетъ вновь, въ тревогѣ, чуть дыша.
А вѣтеръ скалъ лепечетъ стихъ надгробный,

Взвиваетъ свитки и влечетъ, шурша.

8. СТАРЫЙ ВИКИНГЪ.

Онъ сталъ на утесѣ; въ лицо ему вѣтеръ суровый
Бросалъ, насмѣхаясь, колючими брызгами пѣны.
И валъ возносился и рушился, бѣлоголовый,
И море стучало у ногъ о гранитныя стѣны.

Подъ вѣтромъ уклончивымъ парусъ скользилъ на просторѣ,
Къ Винландіи внукъ его правилъ свой бѣгъ непреклонный,
И съ каждымъ мгновеньемъ межъ ними все ширилось море,
А голосъ морской разносился, какъ вопль похоронный.

О, горе, кто видѣлъ, какъ дѣти дѣтей уплываютъ
Въ страну недоступную больше мечу и побѣдамъ!
Кого и напѣвы военныхъ роговъ не сзываютъ,
Кто долженъ мириться со славой, уступленной дѣдамъ.

Хочу навсегда быть желаннымъ и сильнымъ для боя,
Чтобы не были тяжки гранитныя, косныя стѣны,
Когда уплываетъ корабль среди шума и воя,
И вѣтеръ въ лицо намъ швыряется брызгами пѣны.

9. ДАНТЕ.

Безумцы и поэты нашихъ дней
Въ согласномъ хорѣ смѣха и презрѣнья
Встрѣчаютъ голосъ и родныхъ тѣней.

Давно плѣнилъ мое воображенье
Угрюмый образъ изъ далекихъ лѣтъ,
Онъ—одиночества живое воплощенье.

Я вижу годы, какъ безумный бредъ,
Людей, принявшихъ снова видъ звѣриный,
Я слышу вой во славу ихъ побѣдъ.

(То съ гвельфами боролись гибеллины!)
И въ эти годы съ ними жилъ и онъ,—
На всей землѣ прообразъ нашъ единый.

Подобныхъ зналъ онъ лишь въ дали временъ,
А въ будущемъ ему виднѣлось то же,
Что въ настоящемъ,—безобразный сонъ.

Душой мечтательной на дѣвушку похожій,
Онъ пріучался къ зрѣлищу смертей,
Но складки на челѣ ложились строже.

Онъ, вѣрившій въ величіе людей,
Со стономъ звалъ: пускай придутъ владыки
И усмирятъ безсмысленныхъ дѣтей.

Подъ звонъ мечей, проклятія и крики
Онъ межъ людей томился, какъ въ бреду...
О, Данте! о, отверженецъ великій,—

Воистину ты долго жилъ—въ аду!

10. ФЛОРЕНЦІЯ ДЕКАМЕРОНА.

Вы, флорентинки прошлыхъ дней!—о васъ
Такъ ясно я мечталъ въ обманахъ лунныхъ,
О быстромъ блескѣ вашихъ крупныхъ глазъ.

Сады любви въ тиши оградъ чугунныхъ,
Пѣвучій говоръ и жемчужный смѣхъ,
Разсказы съ перебоемъ пѣсенъ струнныхъ.

Принцессы, горожанки—здѣсь у всѣхъ
Веселость, острый умъ, и взоръ лукавый,
И жажда ненасытная утѣхъ.

Красавца видя, всѣ полны отравой,
И долго жадный взоръ его слѣдитъ.
Для васъ любовь всегда была забавой!

Вамъ было непонятно слово „стыдъ“!
Среди земныхъ красотъ, земныхъ величій
Мнѣ флорентинки близокъ лживый видъ,

И сладостно мнѣ имя Беатриче.

II. ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Да, я—морякъ! искатель острововъ.
Скиталецъ дерзкій въ неоглядномъ морѣ,
Я жажду новыхъ странъ, иныхъ цвѣтовъ,
Нарѣчій странныхъ, чуждыхъ плоскогорій.

И женщины идутъ на страстный зовъ,
Покорныя, съ одной мольбой во взорѣ.
Спадаетъ съ душъ мучительный покровъ,
Все отдаютъ онѣ—восторгъ и горе.

Въ любви душа вскрывается до дна,
Яснѣетъ въ ней святая глубина,
Гдѣ все единственно и неслучайно.

Да! я гублю! пью жизни, какъ вампиръ!
Но каждая душа—то новый міръ,
И манитъ вновь своей безвѣстной тайной.

12. БАЯЗЕТЪ.

Тимуръ, прочтя оскорбительное
Письмо Баязета, воскликнулъ:
„Сынъ Мурата сошелъ съ ума".

Нѣтъ! не съ ума сошелъ Муратовъ сынъ,
Ошибся ты, хромецъ надменный!
Но онъ взревѣлъ, какъ вольный левъ долинъ,
Узнавъ, что въ мірѣ есть еще одинъ,
Что дерзкихъ двое во вселенной.

И степи дрогнули подъ звонъ копытъ,
И шумъ отъ сшибки замеръ въ небѣ.
Покой пустыни воплями былъ сытъ,
Багряной кровью сумракъ былъ залитъ,
И вѣренъ былъ случайный жребій.

13. О ПОСЛѢДНЕМЪ РЯЗАНСКОМЪ КНЯЗѢ ИВАНѢ ИВАНОВИЧѢ.

Ой, вы, струночки,—многозвончаты!
Балалаечка,—многознаечка!
Ужъ ты спой намъ весело
Свою пѣсенку,
Спой намъ нонче ты, нонче ты, нонче ты...

Какъ рязанскій князь подъ замкомъ сидитъ,
Подъ замкомъ сидитъ, на Москву глядитъ,
Думу думаетъ, вспоминаетъ онъ,
Какъ людьми московскими безъ вины полоненъ,
Какъ его по улицамъ вели давеча,
Природнаго князя, Святославича,
Какъ глядѣлъ на него московскій народъ,
Провожалъ, смѣясь, отъ калужскихъ воротъ.

А ему, князю, подобаетъ честь:
Въ старшинствѣ своемъ на златъ-столъ возсѣсть.
Вотъ въ вѣнцѣ онъ горитъ, а кругомъ—лучи!
Поклоняются князья—Мономаховичи.
Но и тѣхъ любить всей душой онъ радъ,
Въ племени Рюрика всѣмъ старшій братъ.

Вотъ онъ кликнетъ кличъ, кто гораздъ воевать!
На конѣ онъ самъ поведетъ свою рать
На Свею, на Литву, на поганый Крымъ...
(А не хочетъ кто, отъѣзжай къ другимъ!)

Споютъ гусляры про славную брань,
Потѣшатъ, прославятъ древнюю Рязань.

Но кругомъ темно—тишина,—
За рѣшеткой въ окно Москва видна,
Не услышитъ никто удалый кличъ,
За замкомъ сидитъ послѣдній Ольговичъ.
Поведутъ его, жди, середи воровъ
На злую казнь на кремлевскій ровъ.

Ой, вы, струночки,—многозвончаты!
Ой, подруженька,—многознаечка!
Спой намъ нонче ты, спой намъ нонче ты,
Балалаечка!

14. МАРІЯ СТЮАРТЪ.

О, если бъ знала ты, что предъ тобою было,
Когда бѣжалъ корабль къ туманной полосѣ,
Отъ милой Франціи къ Шотландіи немилой,
Всѣ бѣды, весь позоръ, и униженья всѣ!

Любила ты балы и пышный чинъ обѣденъ,
И отдалась странѣ, гдѣ властвуетъ туманъ,
Гдѣ въ зàмкахъ дѣдовскихъ строй жизни хмуръ и бѣденъ
И гдѣ звучатъ псалмы угрюмыхъ пуританъ.

Ты страсти жаждала, какъ неба жаждутъ птицы,
Вся подчинялась ей, тонула въ яркихъ снахъ,—
И слышала въ отвѣтъ названіе блудницы,
И твой возлюбленный погибъ въ твоихъ рукахъ.

Потомъ, захвачена соперницей надменной,
Въ тюрьмѣ ты провлекла семнадцать гордыхъ лѣтъ,
И, наконецъ, безъ силъ, къ ея ногамъ, смиренно,
Припала ты рабой... И смерть была отвѣтъ.

О! ты ждала ее! ты, съ сердцемъ омертвѣлымъ,
У плахи слушала послѣднихъ вѣрныхъ плачъ.
Но солгала и смерть: твоимъ безглавымъ тѣломъ
Въ послѣдній разъ насытился палачъ!

16. НАПОЛЕОНЪ.

Да, на дорогѣ поколѣній,
На пыли расточенныхъ лѣтъ,
Твоихъ шаговъ, твоихъ движеній
Остался неизмѣнный слѣдъ.

Ты скованъ былъ по мысли Рока
Изъ тяжести и властныхъ силъ:
Не могъ ты не ступать глубоко,
И шагъ твой землю тяготилъ.

Что строилось трудомъ суровымъ,
Вставало медленно въ вѣкахъ,
Ты сокрушалъ случайнымъ словомъ,
Движеньемъ повергалъ во прахъ.

Самъ изумленъ служеньемъ счастья,
Ты, какъ пращей, металъ войска,
И міровое самовластье
Бросалъ, какъ ставку игрока.

Пьянѣя славой неизмѣнной,
Ты шелъ сквозь міръ, круша, дробя...
И стало, наконецъ, вселенной
Не въ моготу носить тебя.

Земля дохнула полной грудью,
И ты, какъ листъ въ дыханьи грозъ,
Взвился и полетѣлъ къ безлюдью,
И палъ, безсильный, на утесъ,—

Гдѣ, на раздольи одичаломъ,
Отъ вѣка этихъ дней ждала
Тебя достойнымъ пьедесталомъ
Со дна встающая скала!

У МОРЯ.

1.

Волны взбѣгаютъ и пѣнятся,
Волны на шумномъ прибоѣ;
Встанутъ и странно измѣнятся,
Гаснутъ въ минутномъ покоѣ.

Только-что въ дали сверкающей
Видѣлъ волны зарожденье,
Мигъ—и съ волной отбѣгающей
Тихо грохочутъ каменья.

2.

Звѣзда затеплилась стыдливо,
Столпились тѣни у холма;
Стихаетъ море; вдоль залива
Рѣдѣетъ пѣнная кайма.

Уже погасли пятна свѣта
На граняхъ сумрачныхъ вершинъ,—
И вотъ въ селеньи съ минарета
Запѣлъ протяжно муэдзинъ.

3.

У перекрестка двухъ дорогъ
Журчанье тихое фонтана;
Источникъ скуденъ и убогъ;
На камнѣ надпись изъ корана.

Здѣсь дышитъ скромный кипарисъ,
Здѣсь дремлетъ пыльная олива,
А ручеекъ сбѣгаетъ внизъ
Къ прибрежью вольнаго залива.

4.

Гдѣ подступаетъ къ морю садъ,
Я знаю гротъ уединенный:
Тамъ шепчетъ дремлющій каскадъ,
Тамъ прудъ недвиженъ полусонный.

Тамъ дышатъ лавры и миндаль
При набѣжавшемъ тихомъ вѣтрѣ,
А сзади, закрывая даль,
Уходитъ въ небо пикъ Ай-Петри.

5.

День растопленъ; море сине;
Подступили близко горы.
Воздухъ чистъ, и четкость линій
Утомляетъ взоры.

Подъ столѣтнимъ кедромъ—тѣни,
Отзвукъ утренней прохлады.
Слушай здѣсь, отдавшись лѣни,
Какъ трещатъ цикады.

6.

Кипитъ встревоженное море,
Мятутся волны, какъ въ плѣну;
Померкъ маякъ на Ай-Тодорѣ,
Вся ночь привѣтствуетъ луну.

Луна державно дѣлитъ море:
То мракъ, то отблесковъ игра.
И спитъ въ серебряномъ просторѣ
Міръ парусовъ изъ серебра.

7.

Волны приходятъ и волны уходятъ,
Стелются пѣной на берегъ отлогій,
По-морю тѣни туманныя бродятъ,
Чайки летятъ и кричатъ, какъ въ тревогѣ.

Много столѣтій близъ отмели дикой
Дремлютъ въ развалинахъ римскія стѣны,
Слушаютъ чаекъ протяжные крики,
Смотрятъ на бѣлое кружево пѣны.

8.

Обошла тропа утесъ,
Выше всходятъ буки.
Позади лѣсные звуки,
Крики птицъ и дикихъ козъ.

Впереди рѣдѣетъ лѣсъ,
Камни у вершины,
Вѣтра свистъ, полетъ орлиный,
Даль земли и даль небесъ.

9.

Небо чернѣло съ огнями,
Море чернѣло безъ звѣздъ.
Плотно обложенъ камнями
Былъ изогнутый объѣздъ.

Внизъ виноградникъ по скату
Тихо спускался; толпой
Кустики жались братъ къ брату...
Помнишь? мы шли той тропой!

10.

Весь день былъ тусклый, блѣдный и туманный;
Шли облака въ уныло-смутной смѣнѣ;
Свѣтъ солнца былъ болѣзненный и странный,
И отъ деревьевъ не ложилось тѣни.

И лишь подъ вечеръ солнце мимолетно
Вдругъ озарило море, даль и горы,
Все вспыхнуло въ надеждѣ безотчетной...
Но тьма настала, и смежились взоры.

11.

Вѣтеръ съ моря волны гонитъ,
Роетъ отмель, съ сушей споря;
Вѣтеръ дымъ до зыби клонитъ,
Дымъ въ пространствахъ вольныхъ моря.

Малыхъ лодокъ рѣетъ стая,
Бѣлымъ роемъ дали нѣжитъ.
Въ бѣлой пѣнѣ тихо тая,
Валъ за валомъ отмель рѣжетъ.

12.

Изъ-за облака скользящій
Лучъ надъ зыблемой водой
Разбивается блестящей,
Серебристой полосой.

И спѣшитъ волна съ тревогой
Въ яркомъ свѣтѣ погорѣть,
Набѣжать на склонъ отлогій,
Потемнѣть и умереть.

13.

Море—въ безсильномъ покоѣ,
Образъ движенья исчезъ.
Море—какъ будто литое
Зеркало ясныхъ небесъ.

Камни, въ дремотѣ тяжелой,
Берегъ, въ томительномъ снѣ,
Грезятъ—о дерзкой, веселой,
Сладко-соленой волнѣ.

14.

ЗАКАТЪ.

Видѣлъ я надъ моремъ сѣрымъ
Змѣй-Горынычъ пролеталъ.
Море въ отблескахъ горѣло,
Отсвѣтъ былъ багрово-алъ.

Трубы спящихъ броненосцевъ,
Чаекъ парусныхъ стада
Озарились блескомъ грознымъ,
Тамъ, гдѣ зыблилась вода.

Сѣя огненныя искры,
Закатился въ тучу змѣй;
И зажглись румянцемъ быстрымъ
Крылья облачныя фей.

15.

ЕЩЕ ЗАКАТЪ.

И пышный вечера пожаръ
Волна морская поглотила.
Тютчевъ.

Свой кругъ рисуя все яснѣй,
Надъ моремъ солнце опускалось,
А въ морѣ полоса огней,
Ему отвѣтныхъ, уменьшалась.

Гдѣ чары сумрака и сна
Уже дышали надъ востокомъ,
Всходила мертвая луна
Какимъ-то жаждущимъ упрекомъ.

Но вдоль по тучамъ, какъ уборъ,
Сверкали радужныя пятна,
И въ нѣжно-голубой просторъ
Лился румянецъ предзакатный.

16.

Мѣсячный свѣтъ электрическій
Въ морѣ дрожитъ, извивается;
Силѣ подвластно магической,
Море кипитъ и вздымается.

Волны взбѣгаютъ упорныя,
Мечутся, дикія, плѣнныя,
Гибнутъ въ борьбѣ, непокорныя,
Гаснутъ разбитыя, пѣнныя...

Мѣсячный свѣтъ электрическій
Въ морѣ змѣится, свивается,
Силѣ подвластно магической,
Море кипитъ и вздымается.

17.

Облака цѣпляются
За вершины горъ.
Такъ слова слагаются
Въ смутный разговоръ.

Горьки и томительны
Жалобы твои:
То разсказъ мучительный
О былой любви.

Слушаю и думаю
Какъ въ тяжеломъ снѣ.
Облако угрюмое
Внизъ ползетъ ко мнѣ.

18.

Словно птица большая
Неизвѣданныхъ странъ,
Поднялся, улетая,
Безпощадный туманъ.

Поднялся и помчался
Надъ морской глубиной,
Развивался, свивался,
И исчезъ за водой.

Вновь зеленые склоны
Намъ открылись; и лѣсъ
Отвѣчалъ, возрожденный,
На привѣты небесъ.

19.

Мѣрно вьетъ дорога
Одинокій путь.
Я въ рукахъ у Бога,
Сладко дышитъ грудь.

Гордо дремлютъ буки,
Чаща безъ границъ.
Всѣ согласны звуки
Съ голосами птицъ.

Манитъ тихимъ зовомъ
Зашумѣвшій ключъ.
Вѣтки свисли кровомъ
Отъ пролетныхъ тучъ.

Близкій, безконечный,
Вольный міръ вокругъ,
И случайный встрѣчный —
Какъ желанный другъ.

20.

Лежу на камнѣ, солнцемъ разогрѣтомъ,
И отдаюсь порывамъ теплымъ вѣтра.
Сверкаютъ волны незнакомымъ свѣтомъ,
Въ ихъ звучномъ плескѣ нѣтъ родного метра.

Смотрю на волны; ихъ невѣрныхъ линій
Не угадавъ, смущенъ ихъ вѣчной смѣной...
Приходятъ волны къ намъ изъ дали синей,
Взлетаютъ брызгами и умираютъ пѣной.

Кругомъ сверканье, говоръ и движенье,
Какъ будто жизнь, съ водой борьба утесовъ...
Я не пойму, въ чемъ тайный смыслъ волненья,
А морю не понять моихъ вопросовъ.

Крымъ 1898—1899 г.
Ревель 1900 г.

ВЪ СТѢНАХЪ.

1.

Люблю я линій вѣрность,
Люблю въ мечтахъ предѣлъ.
Меня страшитъ безмѣрность
И чудо Божьихъ дѣлъ.

Люблю дома, не скалы.
Ахъ, книги краше розъ!
— Но милы мнѣ кристалы
И жало тонкихъ осъ.

2.

Я люблю большіе дома
И узкія улицы города, —
Въ дни когда не настала зима,
А осень повѣяла холодомъ.

Пространства люблю площадей,
Стѣнами кругомъ огражденныя,—
Въ часъ когда еще нѣтъ фонарей,
А затеплились звѣзды смущенныя.

Городъ и камни люблю,
Грохотъ его и шумы пѣвучіе, —
Въ мигъ когда пѣсню глубоко таю,
Но въ восторгѣ слышу созвучія.

3.

Когда опускается штора
И ласковый ламповый свѣтъ
Умиряетъ усталые взоры,—
Мнѣ слышится счастья привѣтъ.

Мнѣ не нужно яркаго блеска,
Красоты и величья небесъ.
Опустись, опустись, занавѣска!
Весь міръ отошелъ и исчезъ.

Со мной любимыя книги,
Мнѣ поетъ любимый размѣръ.
— Да! я знаю, какъ сладки вериги
Въ глубинѣ безысходныхъ пещеръ.

4.

Я провижу гордыя тѣни
Грядущихъ и гордыхъ вѣковъ,
Ушедшія въ небо ступени,
Застывшія громады домовъ;

Улицы, кишащія людомъ,
Шумныя дикой толпой,
Жизнь, озаренную чудомъ,
Гдѣ каждый мигъ—роковой;

Всю мощь безмѣрныхъ желаній,
Весь ужасъ найденныхъ словъ, —
Среди неподвижныхъ зданій,
Въ тѣснинѣ мертвыхъ домовъ.

5.

Жадно тобой наслаждаюсь,
Сумракъ улицъ священный!
Тайно тебѣ поклоняюсь,
Будущій царь вселенной!

Ты далёко руки протянешь,
Въ пустыни, ко льдамъ, на горы;
Солнечный свѣтъ затуманишь,
Къ полутьмѣ пріучишь взоры.

Тайно тебѣ поклоняюсь,
Гряди, могущъ и невѣдомъ!
Предъ тобой во прахъ повергаюсь,
Пусть буду путемъ къ побѣдамъ.

6.

Мы къ яркимъ краскамъ не привыкли,
Одежда наша—цвѣтъ земли,
И робкимъ взоромъ мы поникли,
Влачимся медленно въ пыли.

Мы дышимъ комнатною пылью,
Живемъ среди картинъ и книгъ,
И дорогъ нашему безсилью
Отдѣльный стихъ, отдѣльный мигъ.

А мнѣ что снится?—дикіе крики.
А мнѣ что близко?—кровь и война.
Мои братья—сѣверные владыки,
Мое время—викинговъ времена.

7.

Вы, снѣжинки, вѣйте,
Насъ лишь пожалѣйте!
Васъ, снѣжинокъ, много, много,
И летите вы отъ Бога.

Гдѣ намъ съ вольными бороться!
Вамъ привольно, вамъ поется.
Захотите, заметете,
Городъ въ цѣпи закуете...

8.

Мѣсяцъ серпомъ умирающимъ
Смутно виситъ надъ деревьями;
Тѣни встаютъ умоляюще,
Тянутся вѣтви видѣньями.

Зданья одѣты туманами,
Линіи гаснутъ мучительно,
Люди — какъ призраки странные,
Конки скользятъ такъ таинственно.

Міръ непонятно пугающій,
Чуждая взорамъ вселенная!
— Мѣсяцъ, лишь ты, умирающій,
Вѣчно твердишь неизмѣнное.

9.

Словно нездѣшнія тѣни
Стѣны меня обступили—
(Думы былыхъ поколѣній!)
Въ городѣ, словно въ могилѣ.

Зданія—хищные звѣри
Съ сотней несытыхъ утробъ!
Страшны закрытыя двери:
Каждая комната—гробъ!

10.

Зодчество церквей старинныхъ,
Современный прихотливый сводъ.
Много зданій—высокихъ, длинныхъ,
Улицы неувѣренный поворотъ.

Проходящихъ тѣней вереница,
Отрывки неугаданныхъ словъ,
Женскія мимолетныя лица,
И смутная память шаговъ.

11.

Огни уползающихъ конокъ
Браздятъ потемнѣвшій туманъ,
И зовъ колокольчиковъ звонокъ...
Пускается въ путь караванъ.

Тамъ, въ душную втиснутъ каюту,
Застывшій, сроднившійся вдругъ
(Друзья и враги на минуту!)
— Прохожихъ измѣнчивый кругъ.

Бесѣды и обликъ безмолвный,
Ряды сопоставленныхъ лицъ...
О, конки! вы — вольные челны
Шумящихъ и строгихъ столицъ.

12.

Люблю вечерній свѣтъ, и первые огни,
И небо блѣдное, гдѣ звѣздъ еще не видно.
Какъ страненъ взоръ людей въ медлительной тѣни,
Имъ на меня глядѣть не страшно и не стыдно.

И я съ людьми какъ братъ, я все прощаю имъ,
Печальнымъ, вдумчивымъ, идущимъ въ тихой смѣнѣ.
За то, что вмѣстѣ мы на грани сновъ скользимъ,
За то, что и они, какъ я,—причастны тѣни.

ЕЩЕ СКАЗКА.

I. ЖЕНЩИНѢ.

Ты—женщина, ты—книга между книгъ,
Ты—свернутый, запечатлѣнный свитокъ;
Въ его строкахъ и думъ и словъ избытокъ,
Въ его листахъ безуменъ каждый стихъ.

Ты—женщина, ты—вѣдьмовскій напитокъ!
Онъ жжетъ огнемъ, едва въ уста проникъ;
Но пьющій пламя подавляетъ крикъ
И славословитъ бѣшено средь пытокъ.

Ты—женщина, и этимъ ты права.
Отъ вѣка убрана короной звѣздной,
Ты—въ нашихъ безднахъ образъ божества!

Мы для тебя влечемъ яремъ желѣзный,
Тебѣ мы служимъ, тверди горъ дробя,
И молимся—отъ вѣка—на тебя!

2. ЛЮБОВЬ.

Не мысли о земномъ и маломъ
Въ дыханьи бури роковой,—
И, не стыдясь святого страха,
Клони чело свое до праха.
Любовью — съ міровымъ началомъ
Роднится духъ безсильный твой.

Любовь находитъ черной тучей.
Молись, познавъ ея приходъ!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!
И кто бъ ни подалъ кубокъ жгучій,—
Въ немъ даръ таинственныхъ высотъ.

3.

Я — мотылекъ ночной. Послушно
Кружусь надъ яркостью свѣчи.
Сіяетъ пламя равнодушно,
Но такъ ласкательны лучи.

Я этой лаской не обманутъ,
Я знаю гибель наизусть, —
Но крылья биться не устанутъ,
Съ усладой повторяю: пусть!

Вотъ все невыносимѣй жгучесть,
Тѣснѣй и опьяненнѣй кругъ,
Такъ явно неизбѣжна участь;
Но въ паданьи захваченъ духъ.

Хочу упиться смертью знойной,
Извѣдать сладости огня.
Еще одинъ полетъ нестройный,
И пламя обовьетъ меня.

4.

Строгій, холодный и властный
Свѣтъ невосшедшаго дня.
Улицы мертво-безстрастны,
Путь убѣгаетъ, маня.

Въ свѣтломъ безмолвіи утра
Двое насъ въ мірѣ живыхъ!
Въ облакахъ игра перламутра.
Румянецъ затепленный тихъ.

Въ ущельи безжизненныхъ зданій
Мы дышимъ неземной тишиной,
Въ этотъ часъ не хотимъ ожиданій...
Довольно, что ты—со мной.

Настало что-то... Какъ дѣти,
Сознаемъ мы исполненный мигъ.
Утро въ холодномъ свѣтѣ,
Ты лучше пѣсенъ и книгъ!

5.

Часы прошли, какъ сонъ измѣнчивый.
О, вечеръ! наступай и ты,
И встрѣчей длительной увѣнчивай
Весь день томившія мечты!

Любовь горитъ еще нетлѣннѣе,
Пройдя мучительство суетъ.
Такъ небо, сѣрое, осеннее,
Звѣзды пронизываетъ свѣтъ.

6.

Осенній день былъ тусклъ и скуденъ,
А воздухъ недвижимо жгучъ.
Терялся лучъ больныхъ полуденъ
Въ безкрайности сгущенныхъ тучъ.

Шли тополя по придорожью,
Вѣтрамъ зимы обнажены,
Но маленькіе листья — дрожью
Напоминали сонъ весны.

Мы шли, глядя другъ другу въ очи,
Встрѣчая жданныя мечты.
Мгновенья дѣлались короче,
И было въ мірѣ—я и ты.

Когда, забывъ о дольномъ плачѣ,
Въ пространствахъ двѣ души летятъ,
Нельзя имъ чувствовать иначе,
Обмѣнивая взглядъ на взглядъ!

7.

Роскошенъ лѣсъ въ огнѣ осеннемъ,
Когда закатомъ пьянъ багрецъ,
И ты, царица, входишь къ тѣнямъ
И папоротникъ — твой вѣнецъ!

Листва живетъ мгновеньемъ пышнымъ,
Отъ всѣхъ надеждъ отрѣшена,
И стало будущее лишнимъ,
И осень стала какъ весна!

Но вздрогнешь ты у той поляны,
Гдѣ мой припомнится привѣтъ,
И долго будетъ листъ багряный
Хранить замедленный твой слѣдъ.

8.

Въ моихъ словахъ безстыдство было,
Въ твоихъ очахъ—упорство дня,
И мы боролись съ равной силой,
Другъ друга жаждя и кляня.

А мальвы листьями встрѣчались,
Клонясь подъ тихимъ вѣтеркомъ,
И сосны яростно качались
Въ просторѣ слишкомъ голубомъ.

О, если каждый образъ вѣченъ
И полны прошлымъ небеса,
То въ безднахъ этотъ мигъ отмѣченъ
Какъ огневая полоса!

9.

Я имени тебѣ не знаю,
Не назову,
Но я въ мечтахъ тебя ласкаю...
И наяву!

Ты въ зеркалѣ еще безгрѣшнѣй,
Прижмись ко мнѣ.
Но какъ рѣшить, что въ жизни внѣшней
И что во снѣ?

Я слышу Нилъ... Закрыты ставни...
Песчаный зной...
Иль это только бредъ недавній,
Ты не со мной?

Иль, можетъ, все въ мгновенной смѣнѣ,
И нѣтъ именъ,
И мы съ тобой летимъ, какъ тѣни,
Какъ чей-то сонъ?..

10.

Я узналъ безобразіе радостей,
Весь позоръ открываемыхъ губъ,
Но обрѣлъ затаенныя сладости,
Тамъ, гдѣ члены недвижны, какъ трупъ.

Сладострастью движеній несдержанныхъ
И огню набѣгающихъ мукъ
Предпочту я безсильныхъ, поверженныхъ,
Нѣмоту затекающихъ рукъ.

Въ тишинѣ полумрака тяжелаго,
Въ пьяномъ запахѣ грѣшнаго сна,
Насъ уноситъ густая, какъ олово,
Уходящая въ вѣчность, волна.

II.

И снова ты, и снова ты,
И власти нѣтъ проклясть!
Какъ Сиріусъ палитъ цвѣты
Холоднымъ взоромъ съ высоты,
Такъ надо мной выходишь ты,
Ночное солнце — страсть!

Мнѣ кто-то предлагаетъ бой
Въ ночномъ безлюдьи, подъ шатромъ.
И—я лицомъ къ лицу съ судьбой,
И—я вдвоемъ съ тобой, съ собой,
До утра упоенъ борьбой,
И—какъ Израиль—хромъ!

Дневные ринутся лучи, —
Не мнѣ предъ ними пасть!
Они—какъ туча саранчи.
Я съ Богомъ воевалъ въ ночи,
На мнѣ горятъ Его лучи.
Я твой, я твой, о, страсть!

12.

Мнѣ грустно оттого, что мы съ тобой не двое,
Что мѣсяцъ, гость небесъ, заглянетъ къ намъ въ окно,
Что грохотъ города нарушитъ все ночное,
И будетъ счастье тьмы межъ зорь схоронено.

Мнѣ грустно оттого, что завтра ты съ другими
Смѣшаешься въ одной вскипающей волнѣ,
И будешь между нихъ, и будешь вмѣстѣ съ ними,
И хоть на краткій мигъ забудешь обо мнѣ...

О, если бъ быть однимъ, въ высокой, строгой башнѣ,
Гдѣ лампъ кровавый свѣтъ затепленъ навсегда,
Гдѣ вѣчно только ночь, какъ завтра—день вчерашній,
И гдѣ-то безъ конца шумитъ, шумитъ вода!

Отторжены отъ всѣхъ, отъяты отъ вселенной,
Мы были бъ лишь вдвоемъ, я—твой, ты—для меня!
Мы были бъ, какъ цари надъ вѣчностью мгновенной,
И годъ смѣнялъ бы годъ, какъ продолженье дня.

КНИЖКА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

1. ЗЕЛЕНЫЙ ЧЕРВЯЧОКЪ.

Какъ завидна въ часъ уныній
Жизнь зеленыхъ червячковъ,
Что̀ на легкой паутинѣ
Тихо падаютъ съ дубовъ!

Вѣтеръ ласково колышитъ
Нашу вѣющую нить;
Лугъ цвѣтами пестро вышитъ,
Зноя солнца не избыть.

Опускаясь, подымаясь,
Надъ цвѣтами мы одни,
Въ солнцѣ нѣжимся, купаясь,
Быстро мечемся въ тѣни.

Вихрь иль буря насъ погубятъ,
Смоетъ каждая гроза,
И на насъ охоту трубятъ
Птицъ пролетныхъ голоса.

Но, клонясь подъ дуновеньемъ,
Всѣ мы жаждемъ вѣтерка;
Мы живемъ однимъ мгновеньемъ,
Жизнь—свободна, смерть—легка.

Нынче—зноенъ полдень синій,
Глубь небесъ безъ облаковъ.
Мы на легкой паутинѣ
Тихо падаемъ съ дубовъ.

2. ДОЗОРЪ.

Я слѣжу дозоромъ
Медленные дни.
Передъ пристальнымъ взоромъ
Свѣтлѣютъ они.

Люблю я березки
Въ Троицынъ день,
И пѣсенъ отголоски
Изъ ближнихъ деревень.

Люблю я шумъ безъ толку,
Когда блеститъ морозъ,
Въ огняхъ и въ искрахъ елку,
Часъ свершенныхъ грезъ.

И братскіе бокалы,
Счастье—новый годъ!
Вѣчно неусталый
Времени оборотъ.

Люблю я праздникъ чудный—
Воскресенье Христа.
Поцѣлуй обоюдный
Сближаетъ уста.

И дню Вознесенія
Стихи мои.
Дышитъ нѣга весенняя,
Но стихли ручьи.

Такъ слѣжу дозоромъ
Времени оборотъ.
Предъ пристальнымъ взоромъ
Прекрасенъ весь годъ.

3. ПАСХА, ПРАЗДНИКАМЪ ПРАЗДНИКЪ.

Проклинайте молодость,
Осуждайте дѣвственность,—
Намъ въ порокѣ холодно,
Любимъ мы естественность:
Небо и воды,
Пещерные своды,
Все раздолье природы.

Не хотимъ мы радостей
Духа безтѣлеснаго;
Счастливы мы сладостью
Земного, извѣстнаго.
Мы любимъ сказки,
Заката краски,
Любовныя ласки.

О, дѣти заблудшія
Міра бездольнаго,
Что̀ въ мірѣ лучшее
Звона колокольнаго
Въ туманной тѣни
Ночи весенней,
Въ часъ моленій?

4. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Онъ вошелъ къ Ней съ пальмовой вѣтвью,
Сказалъ: „Благословенна Ты въ женахъ".
И Она передъ радостной вѣстью
Покорно склонилась во прахъ.

Пастухи дремали въ пустынѣ,
Имъ явился ангелъ съ небесъ,
Сказалъ: „Исполнилось нынѣ!"
И они пришли въ Виѳлеемъ.

Радостью охваченъ великой,
Младенца воспріялъ Симеонъ:
—„Отпущаеши съ миромъ, Владыко,
Раба Твоего—это Онъ!“

Нѣкто, встрѣтивъ Филиппа,
Говоритъ: „Гряди по Мнѣ!“
И пошелъ рыбакъ Виѳсаиды
Проповѣдовать миръ землѣ.

Блаженны не зрѣвшіе,
Все сердцемъ понявшіе,
Въ восторгѣ сгорѣвшіе!
Какъ дѣти,
Тайну принявшіе!
Имъ поклоняюсь,
Въ ихъ свѣтѣ
Теряюсь.
Я, рабъ Господень,
Имъ да буду подобенъ.

5. ДѢВОЧКА.

Что же ты плачешь,
Дѣвочка,—во снѣ?
Голову прячешь
На грудь ко мнѣ?

Ангелъ Божій
Любитъ, если смѣются.
На него похожи
Дѣти, когда проснутся.

Ты меня не узнала?
Прижмись ко мнѣ.
А что тебя испугало,
Это было во снѣ.

6. СЛѢПОЙ.

Люблю встрѣчать на улицѣ
Слѣпыхъ безъ провожатыхъ.
Я руку подаю имъ,
Веду межъ экипажей.

Люблю я предразлучное
Ихъ тихое спасибо,
Въ слѣдъ спутнику минутному
Смотрю я долго, смутно.

И думаю, и думаю:
Куда онъ пробирается,
Къ племянницѣ ли, къ другу ли?
Его кто дожидается?

Пошелъ безъ провожатаго
Въ путину онъ далекую;
Не примутъ ли тамъ стараго
Съ обычными попреками?

И встрѣтится ль тебѣ, старикъ,
Бродяга вновь такой, какъ я же?
Иль заведетъ тебя шутникъ
И броситъ вдругъ межъ экипажей?

7. МЫШИ.

Въ нашемъ домѣ мыши поселились,
И живутъ, живутъ!
Къ намъ привыкли, ходятъ, расхрабрились,
Видны тамъ и тутъ.

То клубкомъ катаются предъ нами,
То сидятъ, глядятъ;
Возятся безжалостно ночами,
По угламъ пищатъ.

Утромъ выйдешь въ залъ,—свѣчу объѣли,
Масло въ кладовой,
Что поменьше утащили въ щели...
Караулъ! разбой!

Свалятъ банку, слѣдъ оставятъ въ тѣстѣ,
Ихъ проказъ не счесть...
Но такъ мило знать, что съ нами вмѣстѣ
Жизнь другая есть.

8. ДЕМОНЫ ПЫЛИ.

Есть демоны пыли,
Какъ демоны снѣга и свѣта.
Есть демоны пыли!
Ихъ одежда, багрянаго цвѣта,
Горитъ огнемъ.
Но сѣрымъ плащемъ
Они съ усмѣшкой ее закрыли.

Демоны пыли
На шкапахъ притаились, какъ звѣри,
Глаза закрыли.
Но едва распахнутся двери,
Они дрожатъ,
Дико глядятъ;
Взметнутся, качнутся демоны пыли.

Гдѣ они побѣдили,
Тамъ покой, тамъ сонъ, сновидѣнья,
Какъ въ обширной могилѣ.
Они дремлютъ, лежатъ безъ движенья,
Притаясь въ углу,
Не смотрятъ во мглу,
Но помнятъ сквозь сонъ, что они побѣдили.

О, демоны пыли!
Вы—владыки въ красочномъ мірѣ!
О, демоны пыли!
Ваша власть съ вѣками все шире!
Вашъ день придетъ,—
И все уснетъ
Подъ тихое вѣянье сѣрыхъ воскрылій.

9. ПѢСНЯ.

Мнѣ поется у колодца,
Позабытъ кувшинъ.
Голосъ громко раздается
Въ глубинѣ долинъ.

Приходи, мой другъ желанный!
Вотъ тебя я жду.
Травы—одръ благоуханный,
Въ скалахъ гротъ найду.

Нѣтъ, никто, никто донынѣ
Не ласкалъ меня!
Грудь и плечи, какъ святыни,
Охраняла я.

День насталъ. Иди, желанный!
Кто ты—знаетъ Богъ!
Травы—одръ благоуханный,
Мягокъ сѣрый мохъ.

Оплету, вотъ такъ, я руки,—
Спи между грудей.
Вечеръ. Гаснутъ, гаснутъ звуки.
Гдѣ ты, сынъ полей?

Жду кого-то у колодца;
Позабытъ кувшинъ;
Пѣсня громко отдается
Въ тишинѣ долинъ.

10. УТРО.

Ночнымъ дождемъ повалена
Вся въ серебрѣ трава;
Но въ облакахъ проталина,
Живая синева.

Шагамъ песокъ промоченный
Даетъ пѣвучій скрипъ.
Какъ четки, какъ отточены
Верхи дубовъ и липъ!

Цвѣты, въ жару завялые,
Смѣются мнѣ въ глаза,
И съ пѣсней птицы малыя
Летятъ подъ небеса.

11. ПРЕДЪ ГРОЗОЙ.

Въ мигъ предъ грозой набѣгающей трепетъ
Листья деревьевъ тревожитъ.
Вѣтеръ изъ облака образы лѣпитъ,
Формы чудесныя множитъ.

Пыль поднялась по широкой дорогѣ,
Громче смятеніе птичье.
Все на землѣ въ ожиданьи, въ тревогѣ.
Въ небѣ и блескъ, и величье.

Капель начальныхъ послышится лепетъ,
Воленъ, пѣвучъ, многовѣсенъ...
Въ мигъ предъ грозой набѣгающей трепетъ—
Это ль предчувствіе пѣсенъ?

12. КЪ БОЛЬШОЙ МЕДВѢДИЦѢ.

Волшебница сѣверной ночи,
Большая Медвѣдица,—ты
Ласкаешь усталыя очи,
Смежаешь больныя мечты.

Въ часы увлекающей встрѣчи
Близка намъ царица луна,
Мы шепчемъ прерывныя рѣчи,
Мы жаждемъ безумнаго сна.

Но скукой смѣняется счастье,
Мы вновь безучастьемъ больны,
И страшенъ намъ зовъ сладострастья
Всегда опьяненной луны.

И въ трезвыя, жгучія ночи,
Когда такъ безсильны мечты,
Ласкаешь усталыя очи,
Большая Медвѣдица,—ты!

БЛИЗКИМЪ.

1. КЪ ПОРТРЕТУ ЛЕЙБНИЦА.

Когда вникаю я, какъ робкій ученикъ,
Въ твои спокойныя, обдуманныя строки,
Я знаю—ты со мной! Я вижу строгій ликъ,
Я чутко слушаю великіе уроки.

О, Лейбницъ, о, мудрецъ, создатель вѣщихъ книгъ!
Ты—выше міра былъ, какъ древніе пророки.
Твой вѣкъ, дивясь тебѣ, пророчествъ не постигъ
И съ лестью смѣшивалъ безумные упреки.

Но ты не проклиналъ, и тайны отъ людей
Скрывая въ символахъ, училъ ихъ, какъ дѣтей.
Ты былъ ихъ дѣтскихъ сновъ заботливый хранитель.

А послѣ—буйный вѣкъ глумился надъ тобой,
И долго ждалъ ты часъ, назначенный судьбой...
И вотъ теперь встаешь, какъ Властный, какъ Учитель!

2. КЪ ПОРТРЕТУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Ты намъ казался сумрачнымъ и властнымъ,
Безумной вспышкой непреклонныхъ силъ;
Но ты мечталъ объ ангельски-прекрасномъ,
Ты демонски-мятежное любилъ!

Ты никогда не могъ быть безучастнымъ,
Отъ гимновъ ты къ проклятіямъ спѣшилъ,
И въ жизни вѣрилъ всѣмъ мечтамъ напраснымъ:
Отвѣта ждалъ отъ женщинъ и могилъ!

Но не было отвѣта. И угрюмо
Ты затаилъ, о чемъ томилась дума,
И вышелъ къ намъ съ усмѣшкой на устахъ.

И мы тебя, поэтъ, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
Въ твоихъ какъ будто кованыхъ стихахъ!

3. КЪ ПОРТРЕТУ К. Д. БАЛЬМОНТА.

Угрюмый обликъ, каторжника взоръ!
Съ тобой роднится вѣтокъ строй безсвязный.
Ты въ нашей жизни призракъ безобразный,
Но дерзко на нее глядишь въ упоръ.

Ты полюбилъ души своей соблазны,
Ты выбралъ путь, ведущій на позоръ;
И длится годы этотъ съ міромъ споръ,
И ты въ борьбѣ—какъ змѣй многообразный.

Бродя по мыслямъ и влачась по днямъ.
Съ тобой сходились мы къ однимъ огнямъ,
Какъ братья на пути къ запретнымъ странамъ,

Но я въ тебѣ люблю,—что весь ты ложь,
Что самъ не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь самъ обманомъ.

4. НА СМЕРТЬ И. Л.

Набѣгаютъ вечернія тѣни,
Погасаетъ сіянье за далью.
Облелѣянный тихой печалью,
Уронилъ я письмо на колѣни.

Облелѣянный тихой печалью,
Вспоминаю ненужныя грезы...
А въ душѣ осыпаются розы,
Погасаетъ сіянье за далью.

Да, въ душѣ осыпаются розы.
Милый братъ! ты звѣздой серебристой
Заблестѣлъ надъ тропинкой росистой,
Ты внушилъ намъ ненужныя грезы!

Милый братъ! ты звѣздой серебристой
Заблестѣлъ на ночномъ небосклонѣ,
Но предтечей безвѣстныхъ гармоній
Закатился за далью росистой.

Ты предтечей безвѣстныхъ гармоній
Тихо канулъ въ вечернія тѣни!
Уронилъ я письмо на колѣни,
Утонулъ я въ ночномъ небосклонѣ...

5. СЛУЧАЙНОЙ.

Одна изъ осужденныхъ жрицъ...
Chefs d'Œuvre.

Я люблю въ глазахъ оплывшихъ
И въ окованной улыбкѣ
Угадать черты любившихъ—
До безумья, до ошибки.

Прочитать въ ихъ лживыхъ ласкахъ,
Въ повторительныхъ движеньяхъ,
Какъ въ безсмертно-вѣрныхъ сказкахъ
О потерянныхъ томленьяхъ.

За безсиліемъ безстрастья,
Не обманутъ дѣтской ложью,
Чую ночи сладострастья,
Сны, пронизанные дрожью,

Чтя, какъ голосъ неслучайный,
Жажду смерти и зачатій,
Я люблю за отблескъ тайны
Сонъ заученныхъ объятій.

6. ПАМЯТИ Е. И. П.

Мы встрѣтились съ нею въ пустынѣ,
Утромъ въ пустынѣ.
Солнце палило песокъ.
Торопливо шелъ я—на Западъ,
Она—на Востокъ.

Лицо ея, полное свѣтомъ,
Полное свѣтомъ,
Словно сіяло въ лучахъ;
И таились древнія тайны
Въ глубокихъ очахъ.

Надеждой сердце забилось,
Сердце забилось,
Вѣря, что мигъ тотъ высокъ...
И мы молча прошли, я—на Западъ,
Она—на Востокъ.

7. ЕЙ ЖЕ.

Огонь еще горитъ, и свѣтитъ, свѣтитъ намъ,—
А тѣни сѣрыя легли по сторонамъ
И чутко сторожатъ его невольный трепетъ.
Но не мерцаетъ онъ, и дрожь его, какъ лепетъ,
Какъ лепетъ медленный, какъ тихія слова.
Онъ шепчетъ свой завѣтъ предъ ликомъ Божества,
Онъ съ нами говоритъ, слабѣетъ, но сіяетъ,
И—свѣтлый какъ всегда—покорно угасаетъ.

8. БЛИЗКОЙ.

И, когда меня ты убьешь,
Ты надѣнешь бѣлое платье,
И свѣчи у трупа зажжешь,
И сядешь со мной на кровати.

И будемъ съ тобой мы одни
Среди безмолвія ночи;
Лишь будутъ змѣиться огни,
И глядѣть мои тусклыя очи.

Потомъ загорится разсвѣтъ
И окна окраситъ кровью, —
И ты засмѣешься въ отвѣтъ
И прильнешь къ моему изголовью.

9. ЕЙ ЖЕ.

И небо и сѣрое море
Уходятъ въ нѣмую безбрежность.
Такъ въ сердцѣ и радость и горе
Сливаются въ тихую нѣжность.

Другимъ—бушеванія бури
И яростный ропотъ прибоя.
Съ тобой—безконечность лазури
И ясныя краски покоя.

На отмель идутъ неизбѣжно
И гаснутъ покорныя волны.
Такъ думы съ безпечностью нѣжной
Встрѣчаютъ твой образъ безмолвный.

10. КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Я желалъ бы рѣкой извиваться
По широкимъ и сочнымъ лугамъ,
Въ камышахъ незамѣтно теряться,
Улыбаться небеснымъ огнямъ.

Обогнувъ стародавнія села,
Подремавъ у лѣсистыхъ холмовъ,
Раскатиться дорогой веселой
Къ молодой суетѣ городовъ.

И, поднявъ пароходы и барки,
Испытавъ и забавы, и трудъ,
Эти волны, свободны и ярки,
Въ безконечный просторъ потекутъ.

Но боюсь, что въ соленомъ просторѣ
Только сонъ, только сонъ бытія!
Я хочу и по смерти, и въ морѣ
Сознавать свое вольное *я!*

ПРОЗРѢНІЯ.

I. ВЪ НЕКОНЧЕННОМЪ ЗДАНІИ.

Мы бродимъ въ неконченномъ зданіи
По шаткимъ, дрожащимъ лѣсамъ,
Въ какомъ-то тупомъ ожиданіи,
Не вѣря вечернимъ часамъ.

Безсвязныя, странныя лопасти
Намъ путь отрѣзаютъ... мы ждемъ.
Мы видимъ бездонныя пропасти
За нашимъ невѣрнымъ путемъ.

Оконныя встрѣтивъ пробоины,
Мы робко въ пространства глядимъ:
Надъ крышами крыши надстроены,
Безмолвіе, холодъ и дымъ.

Намъ страшны размѣры громадные
Безвѣстной растущей тюрьмы.
Надъ безднами, жалкіе, жадные,
Стоимъ, зачарованы, мы.

Но первыя плотныя лѣстницы,
Ведущія къ балкамъ, во мракъ,
Встаютъ какъ безмолвныя вѣстницы,
Встаютъ какъ таинственный знакъ!

Здѣсь будутъ проходы и комнаты!
Всѣ стѣны задвинутся сплошь!
О, думы упорныя, вспомните!
Вы только забыли чертежъ!

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдетъ
И въ глуби, разумно расчисленной,
Замкнетъ человѣческій родъ.

И вотъ почему—въ ожиданіи
Не вѣримъ мы темнымъ часамъ:
Мы бродимъ въ неконченномъ зданіи,
Мы бродимъ по шаткимъ лѣсамъ!

2. ВЪ ДНИ ЗАПУСТѢНІЙ.

Пріидутъ дни послѣднихъ запустѣній,
Земныя силы оскудѣютъ вдругъ.
Уйдутъ остатки жалкихъ поколѣній
Къ теплу и солнцу, на далекій Югъ.

А наши башни, города, твердыни
Постигнетъ голосъ страшнаго суда,
Побѣдный свѣтъ не заблеститъ въ пустынѣ,
Въ ней не взгремятъ по рельсамъ поѣзда.

Въ плющѣ померкнутъ зодчаго затѣи,
Исчезнутъ камни подъ ковромъ травы,
На площадяхъ плодиться будутъ змѣи,
Въ дворцовыхъ залахъ поселятся львы.

Но въ эти дни послѣднихъ запустѣній
Возникнетъ—знаю!—межъ людей смѣльчакъ.
Онъ потревожитъ гордый сонъ строеній,
Нарушитъ свѣтомъ ихъ безмолвный мракъ.

На мшистыхъ улицахъ заслышатъ звѣри
Людскую поступь въ ясной тишинѣ,
Въ домахъ застонутъ, растворяясь, двери,
Рядъ изваяній встанетъ при огнѣ.

Прочтя названья торжищъ и святилищъ,
Узнавъ по надписямъ за ликомъ ликъ,
Пришлецъ проникнетъ въ глубь книгохранилищъ
Откроетъ тайны древнихъ, нашихъ книгъ.

И дни и ночи будетъ онъ въ тревогѣ
Впивать вѣщанья, скрытыя въ пыли,
Исканья истины, мечты о Богѣ,
И пѣсни, гимны сладостямъ земли.

Желанный другъ невѣдомыхъ столѣтій!
Ты весь дрожишь, ты потрясенъ былымъ!
Внемли же мнѣ, о, слушай строки эти!
Я былъ, я мыслилъ, я прошелъ какъ дымъ...

3. БРАНЬ НАРОДОВЪ.

Брань народовъ не утихнетъ
Вплоть до дня, когда придетъ
Власть имѣющій, Антихристъ,
Соблазнять лукавый родъ.

Возопитъ онъ гласомъ громкимъ:
„Славьте! дьяволъ побѣдилъ!
Гдѣ вы, вѣрные потомки
Отступившихъ древле силъ?“

И на зовъ повыйдутъ люди
Ото всѣхъ семи границъ.
Говоря,—„мы вѣрны будемъ“,
Предъ царемъ поникнутъ ницъ.

Царь, во лжи многообразный,
Свергнетъ пышности порфиръ,
Въ мірѣ къ вящему соблазну
Установитъ вѣчный миръ.

И когда тѣмъ ѣдкимъ ядомъ
Помутится жизнь до дна,
Вдругъ, возставъ въ глубокомъ адѣ,
Восхохочетъ Сатана.

Дико дьяволы завторятъ,
И изъ дебрей синихъ горъ,
Какъ лучи надъ темнымъ моремъ,
Выйдетъ праведниковъ хоръ.

А для грѣшныхъ ярче вспыхнетъ
Въ преисподней столпъ огня...
Брань народовъ не утихнетъ
Вплоть до сказаннаго дня.

4. БРАТЬЯМЪ СОБЛАЗНЕННЫМЪ.

Свѣтлымъ облакомъ плѣненные,
Долго мы смотрѣли вслѣдъ.
Полно, братья соблазненные!
Это только бѣглый свѣтъ.

Развѣ есть предѣлъ мечтателямъ?
Развѣ цѣль намъ суждена?
Назовемъ того предателемъ,
Кто намъ скажетъ—здѣсь она!

Развѣ рѣдко въ прошломъ ставили
Мертвый идолъ Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!

Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, какъ и шли!
Паруса развѣйте въ воздухѣ,
Дерзко правьте корабли!

Жизнь не счастье, но томленіе,
Но прозрѣнья, но борьба.
Все впередъ—отъ возрожденія
Къ возрожденью, сквозь гроба!

5. ГЛАЗА.

На берегу Мерцающихъ Озеръ
Есть выступы. Одинъ зовутъ Проклятымъ.
Тамъ смотритъ изъ воды унылый взоръ.

Здѣсь входитъ въ волны узкая коса;
Пройди до края въ часъ передъ закатомъ,
И ты увидишь странные глаза.

Ихъ цвѣтъ зеленый, но свѣтлѣй воды,
Ихъ выраженье—смѣсь тоски и страха;
Они глядятъ весь вечеръ до звѣзды,

И, исчезая, вспыхиваютъ вдругъ
Безцвѣтнымъ блескомъ, какъ простая бляха.
Темнѣютъ воды; тускло все вокругъ.

И, возвращаясь сквозь ночной туманъ,
Дыша прибрежнымъ сильнымъ ароматомъ,
Ты склоненъ счесть видѣнье за обманъ.

Но не покинь Мерцающихъ Озеръ,
И по утру подъ выступомъ Проклятымъ
Ты вновь усмотришь неотступный взоръ.

6. ЖЕРНОВА.

Брошенъ вѣялкой на холодъ.
Жерновами тяжко смолотъ,
Мертвый колосъ возрожденъ.
Но остался прахъ зыбучій.
Онъ летитъ безкрылой тучей,
Заслоняя небосклонъ.

И стучатъ, стучатъ, не станутъ,
Словно стихнувъ, лишь обманутъ,
Не устанутъ жернова.
Неизмѣнно мелютъ, мелютъ,
И струю слоями стелютъ,
И она опять жива.

А вдали, подъ свѣтомъ неба,
Отдѣляютъ прахъ отъ хлѣба,
Вышли вѣять на гумно.
Пусть познаетъ обновленье,
Въ смерти вкуситъ возрожденье
Только полное зерно!

7. КЪ МЕТАЛЛАМЪ.

Золото, убранство тайнаго ковчега,
Гдѣ хранятъ издревле благостныя мощи,
Золото, добыча хищнаго набѣга,
Золото, ты символъ сладострастной мощи,
И въ твоемъ сверканьи медленная нѣга.

Серебро сіяетъ тихо на иконѣ,
Мученицѣ юной покрываетъ плечи,
Серебро такъ ясно въ перелетномъ звонѣ,
Голосъ серебристый мнѣ звучалъ предтечей
Прежде недоступныхъ сладостныхъ гармоній.

И люблю я бронзу: сумрачныя тѣни
Томной баядерки въ роскоши вечерней,
Въ твердости изгибовъ столько легкой лѣни,
Отблески такъ чисты на холодной черни.
Да, люблю я въ бронзѣ тайну отраженій.

Но не эти тѣни дороги въ металлѣ!
Не сравню ихъ блестки я съ кинжальнымъ блескомъ!
Змѣи рѣзкихъ молній быстро засверкали,
Я прильнулъ, ревнивый, къ бѣлымъ занавѣскамъ...
Ты—моя надежда, мщенье вѣрной стали!

8. ДУХИ ЗЕМЛИ.

Со всѣми мы братья,
Всѣмъ открыли объятья,
Звѣрямъ, и тучамъ,
И тѣнямъ летучимъ.
Всѣхъ любимъ, всѣмъ вѣримъ,
Смѣемся потерямъ,
И взоромъ незрячимъ
Лишь надъ вымысломъ плачемъ.

Смолкъ птичій голосъ,
Не шелохнется колосъ,

Запахло осокой,
Солнце высоко,
Мы дремлемъ въ покоѣ.
Купаемся въ зноѣ.

Вѣтерокъ встрепенется,
Лѣсъ шелохнется,
Всѣ звуки мы слышимъ,
Цвѣтами дышимъ,
Съ нами дружны грозы,
Небесныя слезы.

Поемъ мы съ моремъ,
Ласкаемся къ зорямъ,
Въ холодѣ снѣга
Для насъ есть нѣга,
— И только людямъ
Друзьями не будемъ,
И только въ городъ
Не глянемъ и взоромъ!

9. ОТРАДЫ.

Знаю я сладкихъ четыре отрады.
Первая—радость въ сознаніи жить.
Птицы, и тучи, и призраки—рады,
Рады на мигъ и для вѣчности быть.

Радость вторая—въ огняхъ лучезарна!
Строфы поэзіи—смыслъ бытія.
Тютчева пѣсни и думы Верхарна,
Васъ,—поклоняясь,—привѣтствую я.

Третій восторгъ—то восторгъ быть любимымъ,
Вѣдать безсмѣнно, что ты не одинъ.
Связаны, скованы словомъ незримымъ,
Двое летимъ мы надъ страхомъ глубинъ.

Радость послѣдняя—радость предчувствій,
Знать, что за смертью есть міръ бытія.
Сны совершенства! въ мечтахъ и въ искусствѣ
Васъ,—поклоняясь,—привѣтствую я.

Радостей въ мірѣ таинственно много,
Сладостна жизнь отъ конца до конца.
Эти восторги—предвѣстіе Бога,
Это—молитва на лонѣ Отца.

10. ЗОЛОТО.

Avec un peu de soleil et du sable blond
J'ai fait de l'or.
Fr. Vielé Griffin.

Золото сдѣлалъ я, золото—
Изъ солнца и горсти песку.
Тайна не стоила дорого,
Какъ игра смѣшна старику.

Падалъ песокъ изъ рукъ у меня,
Тихо звеня,
Въ волны ручья.
Ручей ускользалъ какъ змѣя,
Дрожа отъ вѣтра и холода...
Золото сдѣлалъ я, золото!

Изъ пшеницы бѣлѣющей сдѣлалъ я снѣгъ,
Снѣгъ и декабрьскую вьюгу,
Саней заметаемый бѣгъ,
Дѣвушки радостный смѣхъ
И близость къ желанному другу.
Я сдѣлалъ снѣгъ,
Какъ сдѣлалъ золото;
Я сдѣлалъ вьюгу, счастье холода;
Во мглѣ властительныхъ снѣговъ —
Воспоминанія цвѣтовъ.
Я сдѣлалъ снѣгъ
Изъ лепестковъ:

Изъ жизни медленной и вялой
Я сдѣлалъ трепетъ безъ конца.
Міръ созданъ волей мудреца:
И первый свѣтъ зелено-алый,
И волнъ встающіе кристаллы,
И тѣни страстнаго лица!
Какъ всѣ слова необычайны,
Такъ каждый мигъ исполненъ тайны.
Изъ жизни блѣдной и случайной
Я сдѣлалъ трепетъ безъ конца!

II. УСТОИ.

Разсудка вѣчные устои
Влегли въ недремлющую грудь,
И въ жаждѣ вѣдать неземное
Ты долженъ горы пошатнуть.

Кто безъ руля въ пучинахъ плавалъ
Вѣтриломъ вѣтры всѣ ловилъ,
Тому предстанетъ блѣдный дьяволъ
Съ толпами разъяренныхъ силъ.

Сквозь бѣшенство, и вопль, и скрежетъ
Онъ къ синимъ молніямъ влечетъ,
Но этотъ свѣтъ минутно нѣжитъ,
И вновь кипитъ круговоротъ!

Цѣной нарушенныхъ согласій,
Цѣной и мукъ и слѣпоты,
Лишь проблескъ въ безпокойномъ часѣ,
Мгновенье покупаешь ты.

Но кто готовъ отвергнуть миги
И ждать десятки строгихъ лѣтъ,—
Надѣнь кровавыя вериги,
Скажи молитвенный обѣтъ.

И, чутокъ къ углубленной вѣрѣ,
Вдругъ колыхнетъ, лаская слухъ,
Въ завѣтный часъ въ твоей пещерѣ
Струю эѳира Свѣтлый Духъ.

И глянешь ты смѣлѣй и зорче
За тьму завѣсъ, что онъ расторгъ,
Чѣмъ тотъ, кто вѣдалъ смѣхъ и корчи
И пиѳій яростный восторгъ.

ПОЭМЫ.

I. СКАЗАНІЕ О РАЗБОЙНИКѢ.

Изъ Пролога.

Начинается пѣсня недлинная,
О Петрѣ, великомъ разбойникѣ.

Былъ тотъ Петръ разбойникомъ тридцать лѣтъ,
Межъ товарищей почитался набольшимъ,
Грабилъ поѣзда купецкіе,
Дѣлывалъ дѣла молодецкія.
Ни старцевъ не щадилъ, ни младенцевъ.

Въ той же странѣ случился монастырь святой,
На высокой горѣ, на отвѣсной,
— Межъ землей и небомъ виситъ,—
Ни откуда къ монастырю нѣтъ доступа.

Говоритъ тутъ Петръ товарищамъ:
—„Одѣвайте меня въ платье монашеское.
Пойду, постучусь перехожимъ странникомъ,
Ночью вамъ ворота отопру,

Ночью васъ на грабежъ поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!“

Одѣвали его въ платье монашеское,
Постучался онъ странникомъ подъ воротами.
Впустили его дѣвы праведныя,
Обласкали его сестры добрыя,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.

Сидитъ разбойникъ за трапезой,
Ласкѣ-любви сестеръ удивляется,
Праведными помыслами ихъ смущается,
Что̀ отвѣчать, что̀ говорить—не знаетъ.

А сестры близъ въ горенкѣ собирались,
Говорили межъ собой такія слова:
— „Видно гость-то нашъ святой человѣкъ,
Такое у него лицо просвѣтленное,
Такія у него рѣчи проникновенныя.
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у насъ сестра слѣпенькая.
Не омыть ли ей зракъ той водицею?“

Призывали онѣ сестру слѣпенькую,
Омывали ей зракъ той водицею,—
И прозрѣла сестра слѣпенькая.
Тутъ всѣ бѣжали въ горенку сосѣднюю,
Падали въ ноги всѣ предъ разбойникомъ,
Благодарили за чудо великое.

У разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасомъ и трепетомъ.
Творилъ и онъ—земной поклонъ,
Земной поклонъ передъ Господомъ.
— „Былъ я, Господи, великимъ грѣшникомъ,
Примешь ли Ты мое покаяніе!“

Тутъ и кончилась пѣсня недолгая.
Сталъ разбойникъ подвижникомъ,
Надѣлъ вериги тяжелыя,
По всей землѣ прославился подвигами.
А когда со святыми преставился,—
Мощи его и понынѣ чудеса творятъ.

1898.

2. ПРЕДАНІЕ О ЛУНѢ.

Баллада.

Въ старинномъ замкѣ Дженъ Вальморъ
Чуть ночь—звучатъ баллады.

К. Бальмонтъ.

Въ былые дни луна была
Скиталицей-кометой.
Съ безпечной вольностью плыла
Отъ свѣта и до свѣта.
Страна цвѣтовъ, она цвѣла,
Вся листьями одѣта.

*

Тамъ жили семьи, племена
Таинственныхъ растеній,
Имъ Богомъ мысль была дана
И произволъ движеній,
И шла межъ царствами война,
Безсмѣнный рядъ сраженій.

*

Трава глушила злобный лѣсъ,
Деревья мяли траву,
Душитель-плющъ на пальму лѣзъ,
Шли вѣтви на облаву...
И ночью предъ лицомъ небесъ
Шумѣли всѣ про славу.

*

И въ день завѣтный, въ мірѣ томъ
(Конечно, словомъ Божьимъ)
Возросъ цвѣтокъ—смѣшной стеблемъ,
На братьевъ непохожимъ.
И, чуждый бранямъ, жилъ онъ сномъ,
Всегда мечтой тревожимъ.

*

Онъ грезилъ о иномъ цвѣткѣ,
Во всемъ себѣ подобномъ,
Что дремлетъ, дышитъ—вдалекѣ,
На берегу несходномъ,
И видитъ свой двойникъ въ рѣкѣ,
Съ предчувствіемъ безплоднымъ.

*

И въ эти дни вошла луна
Въ тотъ міръ, гдѣ солнце властно,
И пѣснь планетъ была слышна
Хвалой единогласной,
Но съ ней, какъ чуждая струна,
Сливался зовъ неясный.

*

Да! кто-то звалъ! да, кто-то смѣлъ
Нарушить хоръ предвѣчный,
Пѣлъ о тщетѣ великихъ дѣлъ,
О жаждѣ безконечной,
Ропталъ, что всѣмъ мечтамъ предѣлъ
Такъ близко—поясъ млечный.

*

Да! кто-то звалъ! да, кто-то пѣлъ
Съ томленьемъ постоянства;
И на цвѣткѣ въ отвѣтъ горѣлъ
Узоръ его убранства.
И вдругъ, нарушивъ тяжесть тѣлъ,
Онъ ринулся въ пространство.

*

Тянулся онъ и росъ, и росъ,
Качаясь въ темныхъ безднахъ...
Донынѣ отблескъ вольныхъ грезъ
Дрожитъ въ пучинахъ звѣздныхъ.
А братья жили шумомъ грозъ—
Забытыхъ, безполезныхъ.

*

И вдругъ, ему въ отвѣтъ,—вдали
Другой качнулся стебель.
Кто звалъ его,—цвѣтокъ съ земли,—
Повисъ,—въ пучинѣ ль, въ небѣ ль?
И двѣ мечты свой путь нашли:
Сплелся со стеблемъ стебель!

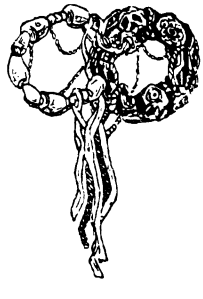
*

Восторгомъ пламеннымъ дана
Побѣда — связи тлѣнной.
Стеблемъ цвѣтка укрѣплена,
Луна осталось плѣнной.
И съ этихъ поръ до насъ — она
Нашъ спутникъ неизмѣнный.

*

Цвѣты истлѣли въ должный мигъ,
Въ вѣкахъ давно пройденныхъ,
Но живъ тотъ свѣтъ, что разъ возникъ
Въ мірахъ соединенныхъ.
И озаряетъ лунный ликъ
Безумныхъ и влюбленныхъ.

1900.



3. АГАНАТИСЪ.

Финикійскій разсказъ.

I.

Ей имя Аганáтисъ, и она
Прекраснѣй всѣхъ въ Сидонѣ. Въ темномъ взорѣ
Сверканье звѣздъ ночныхъ, а грудь блѣдна.

Въ дни юности она познала горе:
Ея женихъ, къ сидонскимъ берегамъ
Не возвратясь, погибъ безвѣстно въ морѣ.

И, дѣвственность принесши въ даръ богамъ,
Она съ тѣхъ поръ жила какъ жрица страсти,
А плату за любовь несла во храмъ.

Едва надъ далью подымались снасти,
Она спѣшила на-берегъ, ждала,
Встрѣчала моряковъ игрой запястій,

И, обольщеннаго, къ себѣ вела,
Въ свой тѣсный домъ, на башенку похожій,
Гдѣ въ нижней комнатѣ царила мгла

И подымалось каменное ложе.
Никто не забывалъ ея ночей!
Изъ всѣхъ гетеръ платили ей дороже,—

Но каждый день входили гости къ ней.
И отъ объятій въ вихрѣ наслажденья,
Отъ тѣлъ сплетенныхъ, словно пара змѣй,

Означилось на камнѣ углубленье.

II.

Когда бы магъ, искусный въ звѣздочтеньи,
Составилъ лѣтопись судебъ тоихъ,
Ее прочелъ бы онъ въ недоумѣньи.

Такъ!—не погибъ въ скитаньяхъ твой женихъ:
Въ странѣ далекой онъ томился плѣннымъ,
За годомъ годы, какъ за мигомъ мигъ.

Онъ жилъ рабомъ, отверженцемъ презрѣннымъ,
Снося обиды, отирая кровь,
Но въ сердцѣ оставался неизмѣннымъ:

Къ тебѣ хранилъ онъ прежнюю любовь,
Живя всѣ годы умиленной вѣрой,
Святой надеждой: все вернется вновь!

И не забытъ владычицей Ашерой,
Онъ, наконецъ, покинулъ горькій плѣнъ,
Бѣжалъ, былъ принятъ греческой тріерой,

И счастливо добрался въ Карѳагенъ.
Отсюда путь на родину свободный.
И онъ плыветъ и ждетъ сидонскихъ стѣнъ.

Какъ алчетъ пищи много дней голодный,
И молится: „пусть это все не сонъ!“
Но только берегъ всталъ надъ гладью водной,

Едва раздался съ мачты крикъ: „Сидонъ!“
— Иное что-то вдругъ открылось думамъ,
Своей мечты безумье понялъ онъ

И замеръ весь въ предчувствіи угрюмомъ.

III.

И жизнь и шумъ на пристани Сидона
Въ веселый часъ прихода кораблей:
И веселъ мѣрный плескъ въ водѣ зеленой.

Канатовъ скрипъ, и окрики людей,
И общій говоръ смѣшанныхъ нарѣчій...
Но горе тѣмъ, кто не нашелъ друзей,

Кто былъ обманутъ вожделѣнной встрѣчей!
Для тѣхъ гетеры собрались сюда,
Прельщаютъ взглядомъ, обнажили плечи.

Какъ жаждалъ онъ хоть блѣднаго слѣда
Былого!—Тщетно! Что̀ воспоминанья
Нетлѣнно проносили сквозь года,

Исчезло все. Смѣнились очертанья
Залива; пристань розрослась съ тѣхъ поръ,
Безвѣстныя кругомъ столпились зданья.

Нигдѣ былого не встрѣчаетъ взоръ...
Лишь моря шумъ твердитъ родные звуки,
Да есть родное въ тѣняхъ дальнихъ горъ.

— Пятнадцать лѣтъ! пятнадцать лѣтъ разлуки!
Искать друзей иль убѣжать назадъ?
Но вдругъ до плечъ его коснулись руки.

Онъ смотритъ: золото, браслетовъ рядъ,
И жгучій взоръ подъ бровью слишкомъ черной.
„Морякъ, пойдемъ! на нынче ты мой братъ!“

И за гетерой онъ идетъ покорный.

IV.

Не начато вино въ большихъ амфорахъ,
Онъ съ ней не рядомъ (то недобрый знакъ),
И мало радости въ упорныхъ взорахъ.

Глядитъ онъ молча за окно, во мракъ;
Ея вопросы гаснутъ безъ отвѣта;
Онъ страшенъ ей, задумчивый морякъ.

Но сознаетъ она всю власть обѣта.
Рукой привычной скинутъ плащъ. Спѣши!
Она зоветъ тебя полураздѣтой.

Но онъ,—томимъ до глубины души,—
Садится къ ней на каменное ложе,
И вотъ они бесѣдуютъ въ тиши.

— Зачѣмъ меня ты позвала?—„Прохожій,
Ты такъ хорошъ".—Ты здѣшняя?—„О, да!"
— Что дѣлала ты прежде?—„Да все то же."

— Нѣтъ, прежде! Ты была вѣдь молода,
Быть можетъ, ты любила...—„Я не сказки
Разсказывать звала тебя сюда!"

И вдругъ, вскочивъ, она спѣшитъ къ развязкѣ,
Зоветъ его. Но, до конца скорбя,
Не внемлетъ онъ соблазнамъ словъ и ласкѣ.

О, если бы припасть къ устамъ, любя!
И, взоръ поднявъ, онъ задаетъ подругѣ
Еще вопросъ:—А какъ зовутъ тебя?

— „Я—Аганатисъ.“—Прянулъ онъ въ испугѣ.

V.

О, велика богиня всѣхъ богинь,
Астарта свѣтлая!—ты царствуешь всевластно
Надъ моремъ, надъ землей, надъ сномъ пустынь.

Ты видишь все, все предъ тобою ясно,
Твое желанье—всѣмъ мірамъ завѣтъ.
Дрожатъ и боги—предъ тобой, прекрасной!

Когда свершилась эта встрѣча, свѣтъ
Твоей звѣзды померкнулъ на мгновенье...
Но благости твоей предѣла нѣтъ.

Рѣшила ты,—исполнено рѣшенье.
И въ тотъ же мигъ разсѣялись года,
Какъ смутный сонъ исчезли поколѣнья,

Возстали вновь изъ праха города,
Вернулись къ солнцу спавшіе въ могилѣ,
Все стало вновь какъ прежде, какъ тогда.

Всѣ о недавнемъ, какъ о снѣ, забыли.
И Аганатисъ, и ея женихъ
Опять въ лѣсу за городомъ бродили.

И длинный споръ, какъ прежде, шелъ у нихъ.
До свадьбы онъ хотѣлъ пуститься въ море,
Искать богатства въ городахъ чужихъ.

А ей была разлука эта—горе.
„Не уѣзжай! на что богатство намъ!“
И, этотъ разъ, онъ уступилъ ей въ спорѣ.

И въ день, когда, отдавшись парусамъ,
Его корабль ушелъ по глади синей,
Они торжественно пошли во храмъ—

Свои обѣты повторить богинѣ.

1897—1898.

4. ЦАРЮ СѢВЕРНАГО ПОЛЮСА.

ВСТУПЛЕНІЯ.

1.

Много было пѣсенъ сложено
О твоей странѣ безслѣдной.
Что возможно, невозможно,—
Было все мечтой извѣдано.

Къ этой грани недоступной
Шли безумные, отважные,
Но ихъ замыслы преступные
Погасали въ безднѣ влажной.

Эти страны неизвѣстныя
Открывали дали сказкамъ,
И кому въ предѣлахъ тѣсно
Эти сказки были ласками.

2.

Если былъ побѣдитель, тебя развѣнчавшій, о, Полюсъ,
Имя его отошло въ тихую тайну вѣковъ.

Люди нашихъ дней не побѣды ищутъ, а славы;
Сладокъ имъ не вѣнецъ,—рукоплесканья вѣнцу.
О, великая сладость—узнавъ, утаить отъ вселенной!
Мнѣ довольно знать,—что̀ я свершилъ, — одному.

I.

Свенъ Краснозубый врагамъ улыбался, бурь не боялся,
Викингъ великій, кликнулъ онъ кличъ по Норвегіи.

Собрались бойцы могучіе:
Эрикъ, вскормленный тучами,
Анундъ, прославленный скальдами,
Гормъ съ сыновьями, съ двумя Освальдами,
Съ ними со всѣми сорокъ дружинниковъ.
Не долго бойцы собирались,
На корабль садились,—смѣялись.
Навсегда съ друзьями прощались.
Жена поплачетъ—утѣшится,
Другъ погруститъ—другого найдетъ,
Старуха-мать все равно умретъ.
Плыть все вдаль—
Не печаль.
Гдѣ волна,
Тамъ весна.
Есть топоръ,—
Будетъ споръ!
Бой въ рукѣ держу!
Если жъ скальда нѣтъ,
Пѣснь и самъ сложу
Въ честь побѣдъ!

II.

Скрылся въ налетѣ тумана Скрелинговъ островъ, земля.
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.
—Море, и небо, и море—къ Сѣверу путь безъ границъ.
Дико звучатъ на просторѣ крики чудовищныхъ птицъ.
Медленно ходятъ по волѣ первые дерзкіе льды.—
Викингамъ любо раздолье, дали холодной воды.

Любитъ безвѣстности Эрикъ, далью захваченъ варягъ.
Гдѣ-нибудь выглянетъ берегъ, гдѣ-нибудь встрѣтится врагъ.
Знаетъ онъ всѣ побережья, всюду рубиться былъ радъ:
Съ Русью ходилъ въ Обонежье, плавалъ по рѣкамъ въ Царьградъ,
Грабилъ соборы Севильи, видѣлъ останки Аѳинъ...
Парусъ, развейся какъ крылья! челнъ, полети какъ дельфинъ!

Анундъ, скиталецъ угрюмый, смотритъ на зыби зыбей.
Вольно ширяется дума въ волнахъ какъ птица морей.
Истинный викингъ ни ночи въ хижинѣ дымной не спитъ,
Истинный викингъ не хочетъ на-ночь повѣсить свой щитъ.
Пѣнистый рогъ не веселье пить среди женщинъ и дѣвъ.
Въ челнахъ—всегда новоселье, въ волнахъ—не молкнетъ напѣвъ.

Гормъ распахнулъ свою шубу, вновь онъ доволенъ судьбой:
Скоро заслышитъ онъ трубы, трубы, зовущія въ бой.
Выйдетъ старикъ какъ берсеркеръ, душу потѣшитъ въ бою...
Дуй, куда вздумаешь, вѣтеръ! мчи, куда хочешь, ладью!
Съ кѣмъ бы ни бой, что за дѣло! жаждетъ онъ биться сплеча!
Страшно въ жилищѣ у Гелы, жданная смерть—отъ меча.

Къ Сѣверу взоромъ прикованъ, Свенъ не уйдетъ отъ руля.
Зовомъ мечты зачарованъ, правитъ онъ бѣгъ корабля.
Скоро во мракѣ засвѣтитъ полночи чара—Звѣзда;
Свенъ, трепеща, ей отвѣтитъ, вѣренъ онъ ей навсегда.
Товарищамъ лучшая доля—битвы и крики враговъ,
Но властная воля стремитъ ихъ въ области ночи и льдовъ.
Затмился налетомъ тумана Скрелинговъ островъ, земля.
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.

III.

Пышны сѣверныя зимы, шестимѣсячныя ночи!
Льды застыли, недвижимы, въ бахромѣ изъ снѣжныхъ клочій.
Волны дерзкія не встанутъ, гребни ихъ въ снѣгу затихли,
Ураганъ морской, обманутъ, обо льды стучится въ вихрѣ.
Чаще царствуетъ молчанье, сонъ въ торжественной пустынѣ,
Міръ безъ грезъ, безъ содраганья, въ полутьмѣ нѣмѣетъ, стынетъ.

Совершая путь урочный, кругъ вокругъ Царицы Ночи,
Звѣздъ дѣвичникъ непорочный водитъ пламенныя очи.
Имъ во льдахъ зеркальныхъ снятся—двойники, земныя сестры,
На снѣгахъ онѣ дробятся, словно лучъ цвѣтной и пестрый.
Ослѣпляя блескомъ горы, между нихъ въ потокѣ звѣздномъ,
Вдругъ спадаютъ метеоры, торопясь отъ бездны къ безднамъ.

Часто, звѣздный блескъ смиряя, разстилаясь будто знамя,
Въ небѣ съ края и до края пламя движется столбами.
Нѣтъ имъ грани, очертанья: въ смѣнѣ рдяныхъ освѣщеній
Царь полярнаго сіянья гонитъ сумрачныя тѣни,
Создаетъ деревья, травы, высылаетъ птицъ чудесныхъ,—
Самъ смѣется на забавы,—царь въ безвѣстностяхъ небесныхъ.

А когда застонетъ буря, снѣгъ подымется какъ тучи,
Брови бѣлыя нахмуря, Одинъ ринется могучій.
Дѣвъ валькирій вереницы заторопятъ черныхъ коней,
Будутъ крики безъ границы, будетъ стукъ мечей о брони,
Будетъ скачка, пляска, бубны, будетъ бой въ безумномъ воѣ...
Изъ могилъ на голосъ трубный встанутъ древніе герои.

Пышны сѣверныя зимы, хороши морозомъ жгучимъ!
Дни проходятъ, словно дымы, дни подобны снѣжнымъ тучамъ.
Поспѣшай на быстрыхъ лыжахъ, взоръ вперяя въ слѣдъ оленій,
Жди моржей космато-рыжихъ, бей раскидистыхъ тюленей,
Встрѣть увѣренной острогой хмурыхъ медленныхъ медвѣдей,—
Смѣйся, смѣйся надъ тревогой, въ пѣсняхъ думай о побѣдѣ!
Пышны сѣверныя зимы, образъ будущей Валгалы!
Дни проходятъ словно дымы, время вѣчность оковала.

IV.

ПѢСНЯ СВЕНА.

„Одна на полюсѣ небесномъ
Царитъ безсмѣнная звѣзда,
Манитъ къ предѣламъ неизвѣстнымъ,
Сновъ не обманетъ никогда.

„Въ круговращеньи вольно смѣломъ
Летитъ надъ нами небосводъ:
Она въ восторгѣ онѣмѣломъ
Изъ праха къ горнему влечетъ.

„Я схваченъ безпощаднымъ зовомъ,
Какъ парусъ вѣтромъ,—увлеченъ,
Женихъ невѣстѣ вѣренъ словомъ,
Съ звѣздой небесъ я обрученъ.

„Ахъ, знаю! мощь въ рукѣ все та же,
Мой взоръ пронзителенъ и смѣлъ,
Я бъ побороться съ силой вражей
Какъ въ годы подвиговъ сумѣлъ.

„Но, внемля вышнему запрету,
Страстей волну я превозмогъ.
Такъ! путникъ я, идущій къ свѣту,
Я—вѣстникъ, ставшій на порогъ.

„Друзья, друзья! взметайте чаши!
Надъ снѣжной кровлей, блещетъ твердь.
Нѣтъ, не солгали клятвы наши:
Я васъ туда влеку, гдѣ смерть!“

И плыли они надъ холодной водой,
И вѣтры по снастямъ свистѣли;
Зима надвигалась грозой ледяной.
Привѣтствія ей они пѣли.

Ихъ легкіе челны томились въ плѣну,
Но, дерзкіе, въ хижинѣ дымной,
Пируя, они величали весну,
Съ метелью спѣвались ихъ гимны.

И вѣтеръ весенній вздувалъ паруса,
И кони морскіе, всѣ въ пѣнѣ,
Бросались въ пучину, зажмуривъ глаза,
За брызгами пряча колѣни.

И плыли, и пѣли, въ метели, въ грозѣ,
Морской возрастающей степью
Вождю-предводителю вѣрные всѣ,
Съ нимъ связаны клятвенной цѣпью.

И много могилъ, неоплаканныхъ тѣлъ
Корабль въ безызвѣстности бросилъ,
Но что имъ за дѣло! вѣдь парусъ ихъ цѣлъ,
Есть копья для боя, есть руки для веселъ!

V.

Пойте печальныя пѣсни,
Вѣтеръ, мѣсяцъ, туманъ!
Плачьте на Полюсѣ вѣчномъ,
Дѣти пламенныхъ странъ.
Волны идутъ издалека,
Вѣтеръ свиститъ одиноко,
Мѣсяца тусклое око
Всюду глядитъ въ Океанъ.
Пойте на Полюсѣ вѣчномъ,
О торжествѣ скоротечномъ,
Дѣти пламенныхъ странъ.

Плачьте на ранней могилѣ,
Гдѣ Эрикъ-скиталецъ зарытъ;
Мечты его дальше стремили,
На пути онъ выронилъ щитъ.

Въ скалѣ, въ причудливомъ гротѣ
Горма покоится прахъ;
Онъ погибъ на веселой охотѣ,
Умеръ съ острогой въ рукахъ.

Освальды, ободряя другъ друга,
Въ непогоду пошли за моржемъ;
И засыпала шумная вьюга
Братьевъ въ объятьяхъ вдвоемъ.

Любя бушеваніе влаги,
Любовались бойцы на шквалъ;
Утромъ сочлись варяги, —
Анунда никто не видалъ.

И погибли всѣ сорокъ, всѣ сорокъ!
Спятъ подъ водой и во льдахъ,
Но Торъ, кому храбрый дорогъ,
Ихъ приметъ въ своихъ поляхъ.

Славьте на Полюсѣ вѣчномъ
Павшихъ въ упорной борьбѣ,
Глядѣвшихъ въ лицо судьбѣ,
Погибшихъ въ молчаньи безпечномъ,

Славьте на Полюсѣ вѣчномъ,
Волны, мѣсяцъ, туманъ!
Пойте хвалебныя пѣсни,
Дѣти пламенныхъ странъ!

VI.

Тѣни ходятъ, вѣтеръ вѣетъ,
Океанъ о камни бьетъ,
И замедлить жизнь не смѣетъ
Свой развернутый полетъ.

Часть морей купая въ зноѣ,
Часть прохладамъ удѣля,
Ни на мигъ не спитъ въ покоѣ
Солнцу вѣрная земля.

Солнце, искра въ сонмахъ млечныхъ,
Увлекаетъ путь слуги.
Пики горъ остроконечныхъ
Чертятъ бѣшено круги.

Безъ предѣла, безъ начала
Этотъ бѣгъ впередъ, впередъ!
Вѣчность въ прошломъ миновала,
Вѣчность нынче настаетъ.

И только одинъ лишь утесъ недвижимо
На Сѣверъ подъемлетъ чело.
Вы, вѣтры, его обтекаете мимо,
Ты, время, встревожить его не могло.

Когда-то взглянулъ онъ восторженнымъ окомъ
На мертвую прелесть Полярной Звѣзды,
И долго смотрѣлъ, и во снѣ одинокомъ
Онъ замеръ, застылъ, оковался во льды.

Пронизанъ восторгомъ съ тѣхъ поръ неизмѣнно
Вѣка онъ слѣдитъ за избранной Звѣздой.
Смѣется Звѣзда, какъ Царица вселенной,
И вокругъ нея сестры идутъ чередой.

Кто нарушилъ миръ завѣтный,
Тишину великихъ водъ,
И вступилъ въ пріютъ запретный
И упалъ на вѣчный ледъ?

На снѣгахъ, въ степяхъ безплодныхъ
Сонъ друзей его голубокъ...
Произволу волнъ свободныхъ
Предоставилъ онъ челнокъ.

Тотъ челнокъ лежитъ разбитый,
Конченъ дерзкій переѣздъ.
Словно въ храминѣ открытой
Свенъ слѣдитъ за бѣгомъ звѣздъ.

Ихъ стремится вереница,
Но надъ ними—въ отвѣтъ мечтѣ—
Стала Сѣвера царица
Прямо въ ясной высотѣ.

Сердце большаго не проситъ,
Къ цѣли жизни онъ проникъ.
Такъ. Звѣзда сіянье броситъ
На его померкшій ликъ.

VII.

ГОЛОСА СТИХІЙ.

ЗЕМЛЯ.

Я—земля, я—косность міра,
Сотворила горы, скалы,
Твердь гранита и порфира,
Грани малаго кристала.

Я дала пріюты тучамъ,
На груди подъяла море,
Я полна огнемъ текучимъ...
Кто со мной, съ могучей, въ спорѣ?

Сестры, братья! славьте землю!
Славьте косность и предѣлы!
Все держу я, все объемлю,
Васъ родню, и мной вы цѣлы.

ВОДА.

Я—вода. Я въ вѣчной смѣнѣ.
Въ дрожи долгой не устала...
Корни тянутся растеній,
Стадо къ рѣчкѣ побѣжало.

Жизнь воды многообразна.
Пѣть ручьемъ, летать туманомъ,
И въ озерахъ грезить праздно,
Выть и биться океаномъ.

Сестры, братья! славьте воды!
Славьте жизнь и переливы!
Я—движеніе природы,
Васъ влеку,—и мной вы живы.

ОГОНЬ.

Я—огонь. Мой ликъ случаенъ,
Вольной прихоти послушенъ.
Цѣлый міръ не мной ли спаянъ?
Мною будетъ міръ разрушенъ!

Я ползу. Я дикъ и злобенъ,
Спать умѣю въ камнѣ маломъ,
Лгать, притворствовать способенъ,
Но встаю до неба жаломъ.

Сестры, братья! славьте пламя!
(—Очи блещутъ, очи красны—)
Я—надъ міромъ битвы знамя,
Васъ гублю, но мной вы властны.

ВОЗДУХЪ.

Воздухъ, я незримъ, неслышенъ,
Я проникъ въ глубины скважинъ.
Но огонь не мной ли пышенъ?
Я водой дышу—и влаженъ.

Я ласкаю розы мая,
Въ бурѣ вѣю, безпощаденъ,
Землю вздохомъ обтекая,
Въ голубомъ плащѣ наряденъ.

Славьте воздухъ, сестры, братья!
Облака меня колышатъ,
Горы принялъ я въ объятья,
Всѣхъ люблю,—всѣ мною дышатъ.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Если къ тайнѣ заповѣданной
Взоръ, единой думѣ преданный,
Съ дерзкой радостью проникъ,—
Не покинемъ мы безпечности:
Было то однажды въ вѣчности,
Было—лишь на бѣглый мигъ.

Но да будетъ онъ единственный!
Этотъ день какъ сонъ таинственный,
Скроемъ мы въ святую тьму.
Мы засыпемъ гробъ невѣдомый.
Слишкомъ громкими побѣдами
Не гордиться никому!

Мы даемъ обѣтъ молчанія.
Мы задвинемъ край изгнанія
Бездной вихрей и пучинъ.
И о томъ, что тайны видены,
Что прошелъ ты путь неиденный.
Будешь знать лишь ты одинъ.

ЗЕМЛЯ.

Даю обѣтъ молчанія;
Отъ вѣка я молчу.

ВОДА.

Я знаю; только знанія
Въ мгновенной смѣнѣ мчу.

ОГОНЬ.

Я—ложь. Твержу невѣрное,
Не знаю истинъ я.

ВОЗДУХЪ.

Мое движенье мѣрное—
Безмолвная струя.

VIII.

Свенъ Краснозубый, на Полюсѣ дикомъ
Ты встрѣтилъ смиряющій сонъ.
Снова кругомъ все въ молчаньи великомъ,
Ясенъ и тихъ небосклонъ.

На коняхъ свободныхъ, бурныхъ
Отъ высотъ своихъ лазурныхъ
Подъ военные напѣвы
И къ тебѣ слетѣли дѣвы.
Ты достоинъ чести бранной,
Ты—валькирій гость желанный.
На тебя изъ той страны
Благосклонно смотрятъ дѣды:
Ты погибъ не въ день войны,—
Въ день побѣды!

Встрѣтишь ты въ поляхъ Валгалы
Всѣхъ, кому былъ въ жизни любъ.
Ты войдешь, пловецъ усталый,
Подъ веселый голосъ трубъ.

Тамъ съ семьей другихъ героевъ
Уготованъ, ждетъ пріютъ.
Всѣ для игръ и славныхъ боевъ
Дни безтѣнные найдутъ.

Можетъ быть, гдѣ отдыхъ сладокъ,
Обрѣтетъ душа твоя
Миръ отъ тягостныхъ загадокъ
Вѣчныхъ въ безднѣ бытія.

IX.

ГОЛОСЪ.

Я вамъ принесъ благую вѣсть,
Мечты былыхъ вѣковъ:
Что въ мірѣ много истинъ есть,
Какъ много думъ и словъ.

Притворѣчій сладкихъ сѣть
Связуетъ странно всѣхъ:
Равно и жить и умереть,
Равны Любовь и Грѣхъ.

Отъ дней земли стремись въ эѳиръ,
Слѣди за вѣкомъ вѣкъ:
О, какъ ничтоженъ будетъ міръ,
Какъ жалокъ человѣкъ!

Но, вздрогнувъ, какъ отъ страшныхъ сновъ,
Пойми—всѣ тайны въ насъ!
Гдѣ думы нѣтъ, тамъ нѣтъ вѣковъ,
Тамъ только свѣтъ, гдѣ глазъ.

Стихій безсильна похвальба,
То—мракъ души земной.
Къ побѣдѣ близится борьба,
Дышу, дышу весной.

И что въ быломъ свершилось разъ,
Тому забвенья нѣтъ.
Пойми—весь міръ, всѣ тайны въ насъ,
Въ насъ Сумракъ и Разсвѣтъ.

Начато въ сентябрѣ 1898.
Кончено въ маѣ 1900.

ЗАМКНУТЫЕ.

Сатирическая поэма.

I.

Я годъ провелъ въ старинномъ и суровомъ,
Безвѣстномъ Городѣ. Отъ міра оградясь,
Онъ не хотѣлъ дышать ничѣмъ живымъ и новымъ,
Почти порвавъ съ шумящимъ міромъ связь.
Онъ жилъ былымъ, своимъ воспоминаньемъ,
Перебирая въ грезахъ быль и сны,
И весь казался обветшалымъ зданьемъ,
Какимъ-то сказочнымъ преданьемъ
О дняхъ далекой старины.

Казалось мнѣ: онъ замкнутъ безнадежно.
Давила съ Сѣвера отвѣсная скала,
Купая груди въ облачномъ просторѣ,
Съ Востока грань песковъ, пустыня, стерегла,
А съ двухъ сторонъ распростиралось море,
Безлюдно, безпощадно, безнадежно.
На пристани не разъ, глаза съ тоской прилежной
Въ узоры волнъ колебленыхъ вперивъ,
Слѣдилъ я какъ вставалъ торжественный приливъ,
Какъ облака неслись—впередъ, и мимо, мимо...

Но не было вдали ни паруса, ни дыма—
Никто не плылъ къ забытымъ берегамъ...
Лишь абрисъ острова порой мелькалъ мнѣ тамъ,
Гдѣ явственно заря, когда безъ солнца свѣтитъ,
Границу кругозора мѣтитъ,
Но гасло все въ лучахъ, мнѣ памятно едва,
Все въ благостный просторъ вбирала синева,
И снова міръ былъ замкнутъ безнадежно.

Весь Городъ былъ овѣянъ тайной лѣтъ.
Онъ былъ угрюмъ и дряхлъ, но гордъ и строенъ.
На узкихъ улицахъ дрожалъ ослабшій свѣтъ,
И каждый рѣзкій звукъ казался тамъ утроенъ.
Въ проходахъ темныхъ, полныхъ тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушивъ ходъ стѣны,
Кончали домъ краснѣющія кровли;
Виднѣлись съ улицы въ готическую дверь
Огромныя и сумрачныя сѣни,
Гдѣ вѣчно нѣжились сырыя тѣни..
И затворялся входъ, ворча какъ звѣрь.

Изъ сѣрыхъ камней выведены строго,
Являли церкви мощь свободныхъ силъ.
Въ нихъ духъ столѣтій смѣло воплотилъ
И вѣру въ геній свой, и вѣру въ Бога.
Передавался трудъ къ потомкамъ отъ отца,
Но каждый камень, взвѣшенъ и размѣренъ,
Ложился въ свой чередъ по замыслу творца,
И линій общій строй былъ строгъ и вѣренъ,
И каждый малый сводъ продуманъ до конца.

Въ стремленьи въ высь, величественно смѣломъ,
Вершилось зданіе свободнымъ остріемъ,
И было конченнымъ, и было цѣлымъ,
Спокойно замкнутымъ въ себѣ самомъ.

Въ музеяхъ запертыхъ, въ торжественномъ покоѣ,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружіе былое,
Трофеи побѣдительной войны,—
То кормы лодокъ дерзкихъ мореходовъ,
То кубки съ обликомъ суровыхъ лицъ,
Знамена покорявшихся народовъ
Да клювы неизвѣстныхъ птицъ.
И все въ себѣ былую жизнь таило,
Иныхъ столѣтій пламенную дрожь.
Какъ въ вѣтеръ вѣрило истлѣвшее вѣтрило!
Какъ жаждалъ мощныхъ рукъ еще сверкавшій ножъ!..
А все кругомъ пустынно-глухо было.

II.

Я въ ихъ церквахъ бывалъ, то пышныхъ, то пустынныхъ.
Въ однѣхъ все статуи, картины и рѣзьба,
Обрядъ, застывшій въ пышностяхъ старинныхъ,
Безсмысленно-пустая ворожба!
Надъ міромъ скованнымъ гудящій вопль органа,
Зовъ пастыря—какъ Божій Голосъ—строгъ,
Вѣщаетъ онъ съ Синая, изъ тумана,
Лишь „Dominus vobiscum“, „съ вами Богъ“!
Въ другихъ церквахъ восторгъ опустошенья,
На черныхъ стѣнахъ цифры, рядъ страницъ.
Молящіеся, въ чинномъ изступленьи,
Кричатъ псалмы, какъ стаи хищныхъ птицъ.

Но вопль органа вдругъ—замретъ, какъ самый камень.
Другъ другу повторивъ, что это лишь обрядъ,
Они для памяти причастіе творятъ,
И пастырь въ сюртукѣ вѣщаетъ важно: Amen.

Я залы посѣщалъ ученыхъ засѣданій
И слушалъ съ ужасомъ размѣрность ихъ рѣчей.
Казалось мнѣ: влекутъ кумиръ огромный Знаній
Покорные быки подъ щелканье бичей.
Глубокой колеей, со стономъ, визгомъ, громомъ,
Телѣга тянется,—въ вѣкахъ намѣченъ путь,—
Все было въ тѣхъ рѣчахъ безжалостно знакомымъ,
И въ смѣнѣ скучныхъ словъ не измѣнялась суть.
Однажды ошибясь при выборѣ дороги,
Они упрямо шли, глядя на свой компасъ.
И былъ ихъ трудъ великъ, шаги ихъ были строги,
Но уводилъ ихъ прочь отъ цѣли каждый часъ!

Къ художникамъ входилъ я въ мастерскія.
О, бѣдность горькая опустошенныхъ думъ!
Искусство! вольная стихія!
Сюда не долеталъ твой вдохновенный шумъ!
Художникъ быть не можетъ не пророкомъ,
И рабство съ творчествомъ согласовать нельзя!
Кто не прошелъ пустынь въ томленьи одинокомъ,
Не, знаетъ гдѣ лежитъ святой мечты стезя!

Въ искусствѣ важенъ искусъ строгій,
Прерви души мертвящій плѣнъ
И выйди пламенной дорогой
Къ потоку вѣчныхъ перемѣнъ.

Твоя душа—то ключъ бездонный.
Не замыкай истомныхъ устъ.
Едва ты встанешь, утоленный,
Какъ станетъ міръ—и сухъ и пустъ.

Такъ! сдѣлай жизнь единой дрожью,
Люби и муки до конца,
Упейся истиной и ложью,—
Во имя кисти и рѣзца!

Не будь окованъ и любовью,
Бросайся въ пропасти грѣха,
Пятнай себя священной кровью,—
Во имя лиры и стиха!

Искусство жаждетъ самовластья
И души черпаетъ до дна.
Едва душа вздохнетъ о счастьи,—
Она уже отрѣшена!

III.

А жизнь кругомъ, лилась, какъ степью льются воды
Какъ въ зеркалѣ, днемъ повторялся день,
Съ покорностью свой кругъ кончали годы,
Съ покорностью заря встрѣчала тѣнь.
Случалось въ праздникъ мнѣ, на площадь выйдя рано,
Зайти въ соборъ съ толпой нарядныхъ дѣвъ.
Онѣ молились тамъ умильно, и органа
Я слушалъ между нихъ заученный напѣвъ.

Случалось вечеромъ, взглянувъ за занавѣски,
Всецѣло выхватить изъ мирной жизни мигъ:
Тамъ дремлютъ старики, тамъ звонокъ голосъ дѣтскій,
Тамъ въ уголкѣ—невѣста и женихъ.
И только изрѣдка надъ этой сладкой прозой
Вдругъ раздавалась пѣснь ватаги рыбаковъ,
Идущихъ улицей, да грохоталъ угрозой
Далекій смѣхъ безчинныхъ кабаковъ.

За городомъ былъ паркъ, развѣсистый и старый,
Съ руиной замка въ глубинѣ.
Тамъ тайно въ сумерки ходили пары—
„Я васъ люблю“ промолвить при лунѣ.
Въ воскресный лѣтній день весь городъ ратью чинной
Сходился тамъ—мечтать и отдохнуть.
И восхищались всѣ изъ года въ годъ руиной,
И рядъ за рядомъ совершали путь.
Имъ было сладостно въ условности давнишней,
Казались сочтены движенья ихъ.
Кругомъ покой аллей былъ радостенъ и тихъ,
Но въ этой тишинѣ я былъ чужой и лишній.
Я къ пристани бѣжалъ отъ оскорбленныхъ липъ,
Чтобъ сердце вольностью хотя на мигъ растрогать,
Гдѣ съ запахомъ воды сливалъ свой запахъ деготь,
Гдѣ мачтъ колеблемыхъ былъ звученъ скрипъ.

О, пристань! я любилъ твой неумолчный скрипъ,
Такой же, какъ въ быломъ, дошедшій изъ столѣтій,—
И на большихъ шестахъ растянутыя сѣти,
И лодки съ грузомъ серебристыхъ рыбъ.
Любилъ я моряковъ нахмуренные взоры

И твердый голосъ ихъ, иной, чѣмъ горожанъ.
Имъ душу сберегли свободные просторы,
Ихъ сохранилъ людьми безлюдный океанъ.
Тамъ было мнѣ легко. Присѣвши на боченокъ,
Я забывалъ тюрьму меня обставшихъ дней,
И облака слѣдилъ, какъ радостный ребенокъ,
И волны пѣли мнѣ все громче, все яснѣй.
И вѣтеръ съ ними пѣлъ; и чайки мнѣ кричали;
Что́ было вкругъ меня, все превращалось въ зовъ. .
И раскрывались вновь торжественныя дали:
Пути, гдѣ граней нѣтъ, просторъ безъ береговъ!

IV.

И понялъ я, что здѣсь царилъ кумиръ единый:
Обычный внѣшности. Предъ искренностью страхъ
Торжествовалъ и въ храмѣ и въ гостиной,
Въ стихахъ и вѣрѣ, въ жестахъ и словахъ.
Жизнь, подчиненная привычкѣ и условью,
Елеемъ давности была освящена.
Никто не смѣлъ— ни скорбью, ни любовью,
Упиться, какъ виномъ пылающимъ, до дна;
Никто не подымалъ съ лица холодной маски,
И каждымъ взглядомъ лгалъ, и пряталъ каждый крикъ;
Расчетомъ и умомъ всѣ оскверняли ласки,
И берегли свой паѳосъ—лишь для книгъ!

Отъ этой пошлости, обдуманной, привычной,
Какъ жаждалъ, хотя на часъ, я вольно отдохнуть!
Но гдѣ въ глаза живымъ я могъ, живой, взглянуть?
Тамъ, гдѣ игорный домъ, и тамъ, гдѣ домъ публичный!

Какъ пристани во мглѣ, вы высылись, дóма,
И люди знали вновь, отдавшись вашей власти,
Все безпристрастіе и купли и найма,
Паденья равенство и откровенность страсти!
Кто дни и мѣсяцы (актеры и рабы!)
Твердили „строгій долгъ“ и „скорбь объ идеалѣ“,
Преобразясь въ огнѣ желаній и борьбы,
То знали ненависть, то чувственно стонали,
То гнулись подъ рукой Слѣпой Судьбы!

Когда по городу тѣни
Протянуты цѣпью желѣзной,
Ряды безмолвныхъ строеній
Оживаютъ, какъ призракъ надъ бездной.

Загораются странные свѣты,
Раскрываются двери, какъ зѣвы,
И въ окнахъ дрожатъ силуэты
Подъ музыку и напѣвы.

Раскрыты дневныя гробницы,
Выходитъ за трупомъ трупъ.
Загораются румянцемъ лица,
Кровавится блѣдность губъ.

•

Пышны и ярки одежды,
Въ волосахъ алмазный вѣнецъ.
А вглядись въ утомлённыя вѣжды,
Ты узнаешь, что предъ тобой мертвецъ.

Но страсть, подчиненная платѣ,
Влечетъ къ огнямъ хрусталей;
Въ притворномъ ея ароматѣ
Дыханье желаннѣй полей.

И идутъ, идутъ въ опьяненьи
Отрѣшиться отъ жизни на часъ,
Извѣдать освобожденье
Подъ блескомъ обманныхъ глазъ,—

Чтобъ въ мірѣ, на свой непохожемъ,
Отъ свободы на мигъ изнемочь.
Тотъ міръ ничѣмъ не тревожимъ,
Пока полновластна ночь.

Но въ туманѣ улицы длинной
Забѣлѣетъ тусклый разсвѣтъ.
И вдругъ все мертво и пустынно
Ни свѣтовъ, ни красокъ нѣтъ.

Безобразныхъ, грязныхъ строеній
Таютъ при днѣ вереницы,
И женщинъ бѣлыя тѣни,
Какъ трупы, ложатся въ гробницы.

V.

И страшная мечта меня въ тѣ дни томила:
Что, если Городъ мой—предвѣстіе вѣковъ?

Что если Пошлость—роковая сила,
И созданъ человѣкъ для рабства и оковъ?
Что если Городъ мой прообразъ, первый, малый
Того, что нѣкогда жизнь явитъ въ полнотѣ,
Что если, міръ, унылый и усталый,
Стоитъ, какъ странникъ запаздалый,
Передъ трясиною, на роковой чертѣ?

И, какъ кошмарный сонъ, видѣньемъ безпощаднымъ,
Чудовищемъ размѣренно-громаднымъ,
Съ стеклянным черепомъ, покрывшимъ шаръ земной,
Грядущій Городъ-домъ являлся предо мной.
Пріютъ земныхъ племенъ, размѣченный по числамъ
Обязанъ жизнію (машина изъ машинъ!)
Колесамъ, блокамъ, коромысламъ,
Предвидѣлъ я тебя, земли послѣдній сынъ!
Предчувствовалъ я жизнь замкнутыхъ поколѣній,
Ихъ думы, сжатыя познаньемъ, ихъ мечты,
Мечтамъ былыхъ вѣковъ подвластныя какъ тѣни.
Весь ужасъ переставшей пустоты!
Предчувствовалъ раба подавленную ярость
И торжествующихъ многообразный сонъ,
Всѣхъ нашихъ помысловъ обманутую старость,
Срокъ завершившихся временъ!

. . . . . .
. . . . . .

Но нѣтъ! Не избѣжать мучительныхъ паденій.
Погибели всѣхъ благъ, чѣмъ мы горды!
Настанетъ снова бредъ и крови и сраженій,
Вновь раздѣлится міръ на вражьи двѣ орды

Борьба, какъ ярый вихрь, промчится по вселенной
И въ бѣшенствѣ смететъ, какъ травы, города,
И будутъ волки выть надъ опустѣлой Сеной.
И стѣны Тауэра исчезнутъ безъ слѣда.

Во глубинахъ души изъ тьмы тысячелѣтій
Возникнутъ ужасы и радость бытія,
Народы будутъ хохотать какъ дѣти,
Какъ тигры грызться, жалить какъ змѣя.

И все, что насъ гнететъ, снесетъ и свѣетъ время,
Всѣ чувства давнія, всю власть завѣтныхъ словъ,
И по землѣ взойдетъ невѣдомое племя,
И будетъ снова міръ таинственененъ и новъ.

Въ руинахъ, звавшихся парламентской палатой,
Какъ будетъ радостенъ дѣтей свободныхъ крикъ,
Какъ будетъ весело дробить останки статуй
И складывать костры изъ безконечныхъ книгъ.

Освобожденіе, восторгъ великой воли,
Привѣтствую тебя и славлю изъ цѣпей!
Я—узникъ, рабъ въ тюрьмѣ, но вижу поле, поле...
О, солнце! о, просторъ! о, высота степей!

Ревель, 1900. Москва, 1901.

БИБЛІОГРАФІЯ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

(1892—1901 г.)

I. Книги.

Поль Верлэнъ. Романсы безъ словъ. Переводъ Валерія Брюсова. М. 1894 г.—Chefs d'Œuvre. Сборники стихотвореній. (Осень 1894—весна 1895). М. 1895.—Chefs d'Œuvre. Второе изданіе съ измѣненіями и дополненіями. М. 1896. —Me eum esse, Новая книга стиховъ. 1897.—О искусствѣ. Статьи. М. 1899.—Tertia Vigilia. Книга новыхъ стиховъ. К-во „Скорпіонъ". М. 1900.

II. Сотрудничество.

А. Альманахи и сборники. Русскіе символисты Вып. I. М. 1894.—То же. Вып. II. М. 1894. То же. Вып. III. 1895.—Молодая Поэзія. Составили П. и В. Перцовы. Спб. 1895.—Книга Раздумій. Спб. 1899.—Сѣверные Цвѣты на 1901 г. К-во „Скорпіонъ". М. 1901.

В. Журналы. Русскій Архивъ (1898—1901 г.)—Южное Обозрѣніе (1899 г.)—Ребусъ (1900—1901 г.)—Ежемѣсячныя Сочиненія (1901 г.)—Міръ Искусства (1901 г.)—Русскій Листокъ (1901 г.)—The Athenaeum (1901 г.)

С. Предисловія. А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловія Ив. Коневскаго и Валерія Брюсова. М. 1900.—А. Л. Миропольскій. Лѣствица. Предисловіе Валерія Брюсова. М. 1901.

III. Переводы.

Изъ стихотвореній, вошедшихъ въ этотъ томъ, были переведены:

А. На нѣмецкій языкъ: А. Лютеромъ. „Наполеонъ" (Litterarisches Echo, 1904, 1 марта,—прозою).—Максимиліаномъ Шикомъ: „Донъ Жуанъ" Das Neue Magazin, 1904 № 5 и Freistatt. 1905, № 29).—Ѳ. Ѳ. Фидлеромъ: „Я мотылекъ ночной" (Herold.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи, появляющіеся въ печати въ первый разъ, отмѣчены звѣздочкой.

Предисловіе къ I тому VII

ЮНОШЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

(1892—1896).

Мнѣ помнятся и книги эти 2

Стихи о любви.

Предчувствіе 3
Мечты о померкшемъ 4
Тѣни . . . . . —
Утренняя звѣзда 5
* Къ моей Миньонѣ 6
Въ саду 7
Завѣтный сонъ 8

Криптомеріи.

На журчащей Годавери 9
Къ Монахинѣ 10
Въ старомъ Парижѣ 11
Жрецъ 12
Прокаженный 13
Съ кометы . . . . . —

Будни.

Туманныя ночи 15
Летучая мышь 16
Осужденная жрица 17
* Пурпуръ блѣднѣющихъ губъ 18
Подруги 19
Первый снѣгъ 20
Сумасшедшій 21
Въ вертепѣ 22

Первыя раздумья.

Хорошо одному 23
Скала къ скалѣ 24
Облегчи намъ страданія . . . . . —
Свиваются блѣдныя тѣни 25

Поэмы.

Снѣга 27
И снова 30
Три свиданія 33
Идеалъ 37

ЭТО — Я.

(1896—1898).

О, эти звенящія строки 42

Новые завѣты.

Какъ царство бѣлаго снѣга. 43
И, покинувъ людей 44

Видѣнія.

Весна 45
На бульварѣ 46
Въ траурѣ . . . . . —
Мгновеніе 47
* Туманъ 48
Продажная . . . . . —
Разсвѣтъ 49
* Позоръ . . . . . —
Вѣтви 50

Скитанія.

Мѣрный шумъ колесъ 51
Мѣсяцъ блѣдный, словно облако . . . . . —
Мы ѣхали долго 52
* Поѣздъ врывается . . . . . —
* Спитъ вагонъ, мерцаетъ газъ 53
О плачьте, о плачьте! 54
Четкія линіи горъ . . . . . —

Ненужная любовь.

И снова дрожатъ онѣ 55
* Сквозь туманъ таинственный . . . . . —
О, когда бы я назвалъ своею 56
Въ лабиринтѣ аллей 57
Я помню вечеръ . . . . . —
Поблѣднѣвшія звѣзды дрожали 58
Мы бродили вдвоемъ и печальны . . . . . —

Вѣянье смерти.

И ночи и дни примелькались 60
Послѣ ночи безсонной 61
Ни красокъ, ни лучей 62
Я бы умеръ . . . . . —
Кончено, кончено! 63
Я вернулся на яркую землю 64

Въ пути.

Сумракъ за чернымъ окномъ 65
Тайны мрака поблѣднѣли 66
Прохлада утренней весны 67
Изъ бездны ужасовъ и слезъ . . . . . —
Послѣднія думы 68
Въ часъ, когда геній 69
Не плачь и не думай 70

Заключеніе.

Годы молчанія 71
Числа 72
Обязательства . . . . . —
Строгое звено 73

ТРЕТЬЯ СТРАЖА.

(1898—1901).

Ребенкомъ я, не зная страху 76

Возвращеніе.

Возвращеніе 77
Рондо 78
— Я — 79
— Мы — 80

Любимцы вѣковъ.

Ассаргадонъ 81
Скиѳы 82
Халдейскій пастухъ 83
Рамсесъ 84
Александръ Великій 85
Ламія 87
Амалтея 89
Старый викингъ 90
Данте 91
Флоренція Декамерона 92
Донъ-Жуанъ 93
Баязетъ 94
О послѣднемъ Рязанскомъ князѣ 95
Марія Стюартъ 96
Наполеонъ 97

У моря.

Волны взбѣгаютъ и пѣнятся 99
Звѣзда затеплилась стыдливо . . . . . —
У перекрестка двухъ дорогъ. 100
Гдѣ подступаетъ къ морю садъ . . . . . —
День растопленъ 101
Кипитъ встревоженное море . . . . . —
Волны приходятъ. 102
Обошла тропа утесъ . . . . . —
Небо чернѣло съ огнями 103
Весь день былъ тусклый. . . . . —
Вѣтеръ съ моря 104
Изъ-за облака скользящій. . . . . —
Море въ безсильномъ покоѣ. 105
Закатъ . . . . . —
Еще закатъ 106
Мѣсячный свѣтъ. 107
Облака цѣпляются . . . . . —
Словно птица большая. 108
Мѣрно вьетъ дорога. 109
Лежу на камнѣ. . . . . —

Въ стѣнахъ.

Люблю я линій вѣрность 111
Я люблю большіе дома . . . . . —
Когда опускается штора 112
Я провижу горлыя тѣни 113
Жадно тобой наслаждаюсь. . . . . —
Мы къ яркимъ краскамъ не привыкли. 114
Вы, снѣжинки, вѣйте. . . . . —
Мѣсяцъ серпомъ умирающимъ. 115
Словно нездѣшнія тѣни. . . . . —
Зодчество церквей старинныхъ 119
Огни уползающихъ конокъ . . . . . —
Люблю вечерній свѣтъ. 117

Еще сказка.

Женщинѣ 118
Любовь 119
Я мотылекъ ночной. . . . . —
Строгій, холодный и властный 120
Часы прошли 121
Осенній день . . . . . —
Роскошенъ лѣсъ. 122
Въ моихъ словахъ 123
Я имени тебѣ не знаю . . . . . —
Я узналъ безобразіе радостей 124
И снова ты 125
Мнѣ грустно оттого 126

Книжка для дѣтей.

Зеленый червячокъ 127
Дозоръ 128
Пасха, праздникамъ праздникъ 129
Рождество Христово 130
Дѣвочка 131
Слѣпой 132
Мыши 133
Демоны пыли 134
Пѣсня. („Мнѣ поется у колодца") 135
Утро 136
Предъ грозой 137
Къ Большой Медвѣдицѣ . . . . . —

Близкимъ.

Къ портрету Лейбница 139
* Къ портрету М. Лермонтова 140
Къ портрету К. Бальмонта . . . . . —
* На смерть И. Л. 141
Случайной 142
Памяти Е. И. П. 143
Ей-же 144
Близкой . . . . . —
Ей-же 145
* Къ самому себѣ. 146

Прозрѣнія.

Въ неконченномъ зданіи 147
Въ дни запустѣній 148
Брань народовъ 150
Братьямъ соблазненнымъ 151
Глаза 152
Жернова 153
Къ металламъ 154
Духи земли 155
Отрады 156
Золото 157
Устои 159

Поэмы.

Сказаніе о разбойникѣ 161
Преданіе о лунѣ 164
Аганатисъ 168
Царю сѣвернаго полюса 175
Замкнутые 192

Библіографія 205

Виньетки книгоиздательства «Скорпіонъ».

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ“

I. СТИХИ.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.
Томъ I. („Подъ Сѣвернымъ Небомъ“, „Въ безбрежности“, „Тишина“). Ц. 2 р.
Томъ II. („Горящія зданія“, „Будемъ какъ солнце“). Ц. 3 р.

К. Д. Бальмонтъ. Жаръ-Птица. Свирѣль славянина. Обложка К. Сомова. Ц. 2 р.

Александръ Блокъ. Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Stephanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903—1905 г. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Стихи. 1892—1901 г. Ц. 2 р.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 2 р.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. Ц. 1 р. 30 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor ardens. Iris in iris. Третья и четвертая книги лирики. Обложка К. Сомова. Печатается.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и предисловіемъ Валерія Брюсова. Ц. 2 р.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4-хъ частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. Ц. 75 к.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Ц. 1 р.

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 65 к.

М. Кузминъ. Крылья. Повѣсть въ 3-хъ частяхъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. 2-е изд. Ц. 80 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ II. Разсказы, статьи. Ц. 1 р. 30 к.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.

Томъ I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 2 р. 40 к.

Томъ II. Pro domo mea. De profundis. У моря. День Вознесенія. Вигиліи. Аметисты. Сыны Земли. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Томъ III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 частяхъ. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 1 р. 30 к.

Томъ IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и др. Обложка Фидуса. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. Ц. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. (Шесть разсказовъ). Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи: „Мертвый городъ". „Джіоконда". „Слава". Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. Ц. 1 р. 25 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

Зигмундъ Красинскій. Небожественная комедія. Переводъ А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. Ц. 60 к.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 1 р. 80 к.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунелески. Ц. 1 р.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Авторизованный пер. М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портр. Уайльда. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. „Парацельсъ". „Подруга", „Зеленый попугай". Перев. съ нѣмецкаго. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. Ц. 1 р.

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Пер. М. Семенова. Ц. 70 к.

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Ц. 1 р.

Д. С. Мережковскій. Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 1 р. 80 к.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Ц. 1 р. 50 к.

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 г. Стихи, разсказы, статьи. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904—5 г. Роскошное изданіе. Драмы, стихи, разсказы. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. Ц. 3 р.

Подробный каталогъ по требованію высылается безплатно. Москва, Театральная площадь. домъ Метрополь, кв. 23.

«ВѢСЫ»

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ

ОСНОВАНЪ ВЪ 1904 ГОДУ

Постоянное участіе въ „Вѣсахъ" принимаютъ: Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Ренэ Гиль, З. Гиппіусъ, Вячеславъ Ивановъ, М. Кузминъ, Д. Мережковскій, Ѳ. Сологубъ, Эллисъ.

„Вѣсы" выходятъ ежемѣсячно, книжками въ 100 стр. и болѣе, съ оригинальными рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ" помѣщаются: стихи, разсказы, повѣсти, романы, драмы, статьи по общимъ вопросамъ искусства и литературы, критическія біографіи и характеристики писателей, художниковъ и композиторовъ, обзоръ художественныхъ выставокъ, театральныхъ и музыкальныхъ исполненій и подробная библіографія новыхъ книгъ, появляющихся на языкахъ: русскомъ, польскомъ, чешскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, шведскомъ, норвежскомъ, греческомъ и др. Въ главныхъ городахъ Европы у „Вѣсовъ" есть свои корреспонденты.

Подписная цѣна на „Вѣсы": годъ (12 №№) съ доставкой и пересылкой **пять** р., полгода **три** р., за-границу годъ **семь** р. Подписчики „Вѣсовъ" при выпискѣ изданій к-ва „Скорпіонъ" пользуются скидкой отъ 15% до 50%. Подписка принимается въ гл. конторѣ журнала: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23.

Редакторъ-издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.